

ЛЕССА КАУРУ

ФАЭРВЕРН
НАВСЕГДА

Лесса Каури

Фаэрверн навсегда

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35479486
Фаэрверн навсегда: Автorskие-txt; Москва; 2019*

Аннотация

Обстоятельства встречи Тамарис Камиди и Викера ар Нирна не оставляли для совместного будущего ни единого шанса. Ведь они такие разные: как небо и земля, как огонь и вода, как... мужчина и женщина! Сумеют ли они выполнить задуманное? Смогут ли уберечь друг друга? Захотят ли... уберечь? Масло с водой не смешивается? А это смотря как смешивать!

Представляем Вашему вниманию необычный и мистический роман «Фаэрверн навсегда».

Содержание

Часть первая: Падение Фаэрверна	4
Пролог	4
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Лесса Каури

Фаэрверн навсегда

Роман

Часть первая: Падение Фаэрверна

Пролог

– Ну что ты будешь делать? Он опять охотится на дракона! – всплеснула руками няня Ринила, глядя, как смешной маленький человечек с деревянным мечом нападает на стог сена.

Астор, младший брат отважного рыцаря, сидел неподалеку, поедая землянику из лукошка. Ладони и мордаха красные от сока, в голубых глазах – восторг.

– Господин мой Викир, отдохните, выпейте молока!

– Я не хочу!

– Если вы не будете кушать, у вас иссякнут силы для битвы! Все рыцари очень любят покушать! Идите сюда...

Мальчик подошел, лихо засунув клинок за пояс штанов. Смотрел на няню исподлобья, косил в сторону дракона – вдруг очнется и ускользнет?

– Приведите братика, мой господин, – улыбаясь, попросила Ринила, – пусть ваш оруженосец тоже выпьет молока! Нужно быть добрым к своим людям, так учит Великая Мать!

Викер беспрекословно отправился за братом. Притащил его, ревущего, усадил на край покрывала, сунул в руки отнятую корзинку с земляникой. Астор сразу успокоился.

– Няня, зачем нужно быть добрым? – сев рядом и получив краюху хлеба и кружку с молоком, спросил Викер.

– Так сердцу легко, коли ты добр к окружающим, – улыбнулась Ринила. – Задумайтесь, мой господин, когда человек делает зло, у него на сердце печаль, и мир вокруг кажется серым. Улыбнитесь своему отражению в воде – и оно улыбнется вам в ответ. Скорчите страшную рожу – и оно напугает вас.

– Напугает? – возмутился Викер. – Я – бесстрашный рыцарь!

Он вскочил на ноги, позабыв о хлебе и молоке, и припустил туда, где в зарослях журчал ручей.

– Вот неумный ваш старший братец, – покачала головой няня, присаживаясь к Астору, – наверное, и правда вырастет настоящим рыцарем! Паладином!

* * *

Пахотная кобылка подо мной к быстрому бегу приучена не была. Такие двигаются неспешно (и куда с плугом спе-

шить?), жуют медленно и больше всего на свете любят дремать, уткнувшись мордой в угол стойла. Если память мне не изменяла, а у неё, у памяти, не было такой привычки, звали лошадку Кауркой. То, что я пыталась выжать из Каурки хотя бы рысь, ей не нравилось. Она зло косила на меня глазом, а едва я спешивалась, норовила наступить на ногу. К сожалению, другой животины не нашла – боевых коней увели налётчики, остальных прирезали, как и другую скотину. Про эту, оставленную пастись между монастырскими полями в пролеске, забыли...

Каурка попыталась наступить мне на ногу и сейчас, едва я спрыгнула с седла. Легонько шлепнула её по морде, пригрозила: «Не балуй, выпорю!» Не будет от старушки толку. Ей-ей, обменяю в ближайшем городишке на лошадь помоложе и побыстрее. Тем более что мошна полна – о тайниках матери-настоятельницы налётчики не знали.

Из кустов вновь раздался стон. Предыдущий и заставил меня спешиться, перехватить боевой посох – сармато – и осторожно раздвинуть им кусты. Разбойники мне, монахине Сашаиссы, были не страшны, да и не походил стон из кустов на засаду, скорее, на чьё-то глубокое разочарование.

Он лежал лицом вниз, неловко изогнув руку – темноволосый паладин Первосвященника в сияющих доспехах на красном простёганном полотне воинской куртки. Меч с золотой рукоятью валялся рядом. Воспользоваться им мужчина не успел – меж его лопаток торчала чёрная рукоять кинжала.

Зато я прекрасно помнила, как четыре дня назад подобные мечи прошивали сверкающими молниями моих сестёр, низывали их, будто на вертела новоявленного бога, лишали целей, надежд, стремлений. Жизни лишали.

– Сдохни пёс!

Я ткнула его посохом и плюнула на рукоять кинжала.

Раненый вновь застонал, засучил ногами, словно хотел встать. Его рука скупно шарила по траве, пытаясь нащупать рукоять меча. Даже перед смертью он оставался воином – мне следовало это признать. Я и признала, возвращаясь к Каурке. Вскочила в седло, пятками ударила бока лошади. Приятно, когда слуга лукавого бога, сам одетый как бог, валяется в придорожной грязи и истекает кровью, словно простая свинья!

Бирюзовые глаза Сашаиссы глянули в душу с таким сожалением, что меня затрясло в ознобе. Великая Мать любила всех своих детей, в том числе тех, кто предал её, позабыл, бросив сердце гореть в горниле новой веры. Любила, жалела, болела за них душой. А я... Я была её монахиней!

Молча сползла с седла, поворотила лошадку назад, накинула поводья на куст, чтобы вредная тварь не сбежала. Ползла в заросли. Первые слова появились, когда я начала растёгивать ремешки его доспеха, желая освободить от стали, и этим словам не стоило касаться детских ушей. Перевернула раненого на бок, осторожно стащила и отложила в сторону грудную пластину. Кинжал вошёл точно в цель, и спинная

часть доспеха была пригвождена к паладину как бабочка к альбомному листу. Бросал профессионал – это было ясно и по месту попадания, и по утяжелению клинка – только таким и можно с близкого расстояния пробить доспех. С близкого? Неужели, кто-то из своих?

Белое лицо незнакомца было бы привлекательным, если бы не гримаса смерти, постепенно сковывающая черты. Прямой нос с чётко выраженными ноздрями, узкие губы, брови вразлёт, высокий лоб... Веки закрыты, но я бы поклялась, что глаза у него тёмные, почти чёрные – судя по тёмно-каштановому цвету волос и лёгкой смуглости кожи, сейчас отливающей в зелень.

Взявшись за рукоять кинжала, посмотрела вверх: сквозь ажурную вязь листвы виднелось пыльно-голубое небо конца лета. «Бирюза и мёд твоих глаз, Великая Мать, тепло и сила твоих ладоней, да пребудут со мной! Дай мне силу побороть ненависть, дай возможность исцелить!» Клинок вышел, как по маслу. Хлынула алая лёгочная кровь, тут же окрасила мою ладонь, накрывшую рану. В душе ширилось ощущение могущества, я, будто бутон, раскрывалась навстречу ему, лепесток за лепестком отдавая себя взамен исцеляющей силе Богини. Спустя несколько мгновений поток крови иссяк, спустя ещё немного времени её остатки исчезли с моих рук, с одежды паладина. Остался лишь разрез на куртке – аккуратно заштопать, и не заметишь!

Встала, повела плечами. От божественной силы потряхи-

вало, обдавало жаром, будто в прорубь макнулась. Оглянулась на лежащего. На его лицо возвращались краски. Розовой – не розовой, спать будешь долго, соколик! Спи...

Сделала несколько шагов прочь, баюкая в душе желание вернуться и добить, пока не проснулся. Я не видела его среди тех, кто убивал моих сестёр, но он был там – порукой тому сияющие латы и красная куртка. Даже если я не вернусь, кто-нибудь обнаружит его и прибьёт, чтобы забрать доспехи и меч. Они денег стоят, если знать, кому продать!

«Тамарис, дитя...»

О, нет! Великая Мать, за что?

«Дитя...»

Да будь ты проклят, Воин Света!

Резко развернулась, вернулась. Подхватив лежащего подмышки, потащила к лошади. Пока я затаскивала незнакомца на седло, Каурка стояла смирно, ни укусить не пыталась, ни лягнуть. Не иначе Сашаисса пела ей на ухо свои сладостные песни, от которых мир казался полным любви.

Доспехи и меч паладина спрятала, укутав в собственный плащ. Освобождённый из плена плоти кинжал сунула в голенище сапога – пригодится! Села в седло позади бессильно висящего тела. «Чтоб у тебя кровоизлияние в мозг случилось, скотина! Каурка, это не тебе!» Тронула поводья, возвращая лошадь в состояние мерной ходьбы, а затем и рыси. Не стоит задерживаться долго, коли идёшь по следу!

Величественные звуки хора неслись над серыми мшистыми камнями, стремясь прямо в голубое небо. Стояла середина лета, когда я прибыла в Фаэрверн, с ужасом и восхищением разглядывая возносившиеся над головой мрачные стены обители. Фаэрверн – один из самых старых и почитаемых монастырей Сашаиссы в стране. Моя тюрьма... Отец утверждал, что это – мое спасение, но с некоторых пор я перестала верить ему, ведь он говорил, будто любит меня, а сам сделал все, чтобы разбить мне сердце, отлучить от человека, без которого оно отказывалось биться! Отец обещал никогда меня не оставлять, а сам предпочел избавиться, отправив сюда, едва я стала доставлять слишком много хлопот. Слава Богине, хоть не приказал сразу принять постриг! Впрочем, я бы и не согласилась. Я и послушание принимать не собиралась, отправившись в монастырь, но в последнее время домашняя обстановка напоминала раскаленную жаровню. Все чаще я мечтала вместо ругани услышать тишину, забросить свои попойки и безумства, которые были не чем иным, как протестом против самодурства отца, забросить ради свежего воздуха, крепкого сна и свободы. Что ж... Пока поживу здесь, осмотрюсь. Если решу сбежать и отправиться путешествовать – никто меня не удержит!

За распахнутыми воротами виднелся широкий, мощный

камнем двор. Справа – домик сестры-привратницы, как в любом подобном храме. Перед ним стояла, опираясь на боевой шест, сурового вида старуха, от одного взгляда на которую мне представились карцер в подземелье, хлеб и вода.

– Твое имя, путница? – глядя на меня из-под нависших бровей, спросила она.

У ее ног крутились желтыми пушистикami цыплята, что-то собирая с редких травинок, пробивающихся между камнями. Крутились, совсем не боясь ни сармато в руках привратницы, ни ее грубых, подбитых железом ботинок.

– Тамарис Камиди из Ховенталя. У меня письмо для матери-настоятельницы.

Она молча протянула руку. Кожа будто дубленая, темная, сильные пальцы с хорошо развитыми суставами. Такая рука не боялась ни работы, ни боя, и поневоле вызывала уважение. Уж в бойцах по жизни я разбиралась!

Я отдала письмо. На запечатанном сургучом конверте острые крепкие буквы, каждая будто вырублена в бумаге, для которой отец не нашел ни нежности, ни терпения. Конечно, письмо я прочитала еще в дороге. Велика хитрость подогреть сургуч и аккуратно, ножом, срезать печать, чтобы потом вернуть на место! Мой отец, Стамислав Камиди, или, как звали его приближенные – Стам Могильщик, писал о том, что дочь, то есть я, отбилась от рук, а он не хотел бы видеть ее пропойцей и шлюхой. Потому сильно надеется на Сашаиссу и ее монахинь, умеющих утешать печали, исцелять

разбитые сердца и возвращать на путь истинный заблудшие души. Ни слова о настоящей причине моей отсылки, то есть о том, как он предал меня, разлучив с любимым! Из письма следовало, будто я кругом виновата, а он, такой любящий, сильно озабочен моей судьбой. Вранье, все вранье!

Привратница сломала сургуч, развернула лист, быстро пробежала глазами написанное. Посмотрела на меня:

– Обращайся ко мне «тэна», девушка, и следуй за мной!

Она развернулась и пошла прочь. Спеша за ней, я краем глаза заметила, как место тут же заняла одна из крутившихся поблизости помощниц-послушниц. Встала, широко расставив ноги, попирая землю с силой, опираясь на боевой шест – наглядный пример власти Богини. Хм... я уложила бы ее в два счета!

Мать-настоятельница, мэтресса Клавдия, как она представилась, оказалась высокой и худой. Кого-то она мне напоминала, но кого, я никак не могла сообразить. Годы служения смягчили резкое и страстное выражение лица с неожиданно крупными чертами, сделав лоб – гладким, притушив блеск глаз, краски щек и губ. Однако взгляд ее был полон силой не меньше сармато старухи-привратницы. Подойдя, она за плечи развернула меня к скудному свету, падавшему из больше похожего на бойницу оконца, внимательно оглядела, хмыкнула непонятно чему и вернулась за стол, заваленный бумагами и книгами.

– Сестра Кариллис, будь добра, расскажи Тамарис о на-

шем режиме и правилах, и познакомь с девочками.

– Идем! – приказала та.

Она привела меня в общую комнату, уставленную кроватями. В изножье каждой стоял сундук для одежды, в изголовье – грубо сработанный стол. Везде ни пылинки, кровати заправлены шерстяными покрывалами, разглаженными без единой морщинки, на столах – трогательные глиняные вазочки со свежими полевыми цветами и письменные приборы.

– Отец обещал, что у меня будет своя келья, – я с презрением оглядывала комнату, стоя на пороге.

Привратница молча стянула с моего плеча дорожный мешок и бросила на одну из кроватей.

– Ты, девушка, отныне такая же послушница, как и все. Немногие из вас станут монахинями, хотя многие стремятся к этому всем сердцем. Ты – не из них, вижу. Но на все воля Великой Матери! Иди за мной, я покажу тебе Фаэрверн.

Тогда я обратила внимание, как она произносит это «Фаэрверн». Не как пустое, ничего не значащее слово! Как личное имя, имя того, к кому относишься с величайшим почтением, кого любишь...

Фаэрверн не скоро пророс корнями в мое сердце. Я сопротивлялась изо всех сил, и тогда, будучи только в начале пути, поклялась, что надолго здесь не останусь!

Викер пришёл в себя на продавленном многочисленными телами ложе какого-то придорожного трактира. Сознание подводило – занавешивало действительность рваными тенями, подсовывало картинки из детства, которые он, казалось, позабыл навсегда...

Сквозь сумерки проступил силуэт, заключивший в себе свет, и женский голос сказал холодно:

– Не делай резких движений, скоро всё пройдёт!

Усилие разглядеть подробности вымотало его донельзя. Стиснув зубы, чтобы не застонать при женщине, он откинулся на подушку, удерживая в сознании хрупкий рыжеволосый образ. Эмоции, плескавшиеся в ореховых глазах незнакомки, симпатией никак нельзя было назвать.

– Где я?

Думал, что сказал громко, а на деле прошептал, едва шевеля запёкшимися губами. В горле саднило, грудная клетка не слушалась хозяина.

– День пути до местечка Кривой Рог. Здесь наши пути разойдутся, едва ты окончательно придёшь в себя.

– Кто ты?

– Та, кого тебе следует убить!

– Ты не боишься меня?

Язвительный смех был заразителен. Викер даже улыбнулся.

ся, слушая залиvistый ядовитый колокольчик.

– Только попробуй!

– Не стану. Кажется, ты спасла мне жизнь! Я помню, как умирал...

– Ну, хоть что-то, – усмехнулась она.

Тени постепенно растворялись в свете свечного огарка.

Молодая женщина сидела за столом напротив кровати, сцепив тонкие пальцы под подбородком. К спинке стула был прислонён деревянный посох, увидев который он машинально сжал пальцы правой руки, будто ухватил меч. Незнакомка заметила, кивнула в дальний угол комнаты.

– Там твои игрушки, паладин! Когда я уйду, можешь взять обратно!

«Я не игрушка, Астор! Так и передай!» – «Скажи ей это сам, брат! Или ты боишься шагнуть через порог её покоев?» – «Не боюсь, но...»

Воспоминания обожгли, будто кипятком. Ошибка – говорить льнущей к тебе женщине, что ты её не любишь. Смертельная ошибка – если льнущая к тебе женщина – королева! Вот и объяснение ощущению холода между лопатками! О! Он знает это ощущение! Рана не первая и не последняя на его шкуре! Хотя... смертельная – первая!

Паладин вскинулся, опёрся на руки, чтобы сидеть с ровной спиной. Тело оживало заново после долгого сна, и теперь он вполне понимал его природу!

– Ты спасла меня? – с изумлением спросил он, начиная всё

чётче различать личико сердечком, подбородок с ямочкой, аккуратный маленький нос и любопытные ореховые глаза, блестящие из-под ярко-рыжей чёлки. – После всего, что мы сделали в Фаэрверне?

– Рада, что сознание, а вместе с ним и память, возвращаются к тебе! – совсем нерадостно ответила она. Помолчав, добавила: – Благодарю Великую Мать! Я не могла нарушить её заповеди!

– Эту лжебогиню? – вскинулся Викинг. – Никогда!

– Чтоб ты сдох, Воин Света! – сквозь зубы прошипела она и выставила перед собой руки со скрюченными птичьими лапами пальцами. – Выцарапала бы тебе глаза, паладин, да сан не позволяет!

Помолчали.

Несколько раз глубоко вздохнув, он спустил голые ноги на пол и тут только заметил, что на нём длинная рубаха, в каких коротают ночи старики в холодных постелях. Только ночного колпака не хватало! Стыдливо спрятал босые ступни под кровать и принялся оглядываться в поисках одежды.

Рыжая ведьма швырнула ему свёрток, и исподнее больно хлестнуло по лицу. Правда, пахло чистым – не потом и кровью.

Она встала, отошла к двери:

– Одевайся, я не смотрю!

За створкой завопили, постучали.

– Ужин, госпожа! И тёплое вино с пряностями для вашего

мужа, как вы просили!

– Для мужа? – заинтересовался Викиер.

Рыжая не ответила. Приняла у служанки поднос, поставила на стол. Монетка блеснула и скрылась в ладони подавальщицы. Та ушла, непрерывно кланяясь, с любопытством поглядывая на одевающегося мужчину.

– Мне следовало сказать ей, что я – монахиня запретного Ордена, чей монастырь паладины Его Первосвященства разграбили и сожгли? А ты – один из тех самых паладинов, которого пытался пришить кто-то из своих? Очень мудро! – понизив голос и отойдя от двери, произнесла она.

– Действительно, – пробормотал Викиер и оглядел себя.

Штаны и сапоги, слава Единому, остались прежними. Вместо красной куртки – поношенная, но чистая рубаха с чужого плеча – тесновата, рукава коротковаты.

– Что будешь делать? – поинтересовалась рыжая, садясь за трапезу. Протянула ему бокал. – Выпей, это придаст силы!

Он помедлил, прежде чем взять. Она поддалась на уловку, поморщилась, пояснив:

– Пей, не отравлю! Для того, что ли, я тебя лечила?

Викиер принял бокал и отсалютовал им, отдавая дань уважения женщине, которая его спасла. Что бы там не происходило между богами, неблагодарным потомок древнего рода ар Нирнов никогда не был!

– Твоё здоровье, тэна! – сказал он и осушил бокал до дна. Тепло растеклось по венам, заставило быстрее биться сердце

и почти изгнало холод оттуда, где его поселил предательский кинжал...

Астор, как ты мог это сделать? Неужели страсть к женщине настолько затмила твой разум, что заставила поднять руку на брата?

Оловянный бокал в руке оказался смят, как простой лист бумаги. Викир сумрачно посмотрел на него, отбросив в сторону, сел за стол. И спросил сам себя:

– Что буду делать?..

* * *

Рубашка, которую я раздобыла паладину, оказалась ему маловата – натягивалась на фактурных плечах, обнажала тёмный волос на груди. Фигура у мужика была что надо, мне следовало это признать! Впрочем, в паладины других не брали, существовали строгие параметры отбора, которых придерживались Первосвященник и его приспешники. Воины Света должны были нести людям силу и привлекательность Нового Бога, и они её несли, зачастую подтверждая огнём и мечом.

Эта история началась лет сто назад, когда заброшенный окраинный культ дотянулся до столичных высот. Отец нынешней королевы Атерис, Джонор Великолепный, привечал странников и калек переходящих. Одним из таких оказался священник Нового Бога, бедный как церковная мышь, чест-

ный и велеречивый. Он сумел удивить короля желанием говорить правду и заинтересовать новой верой. За два десятка лет «церковная мышь» доросла до личного исповедника короля, а когда тот скоропостижно скончался – и был похоронен уже по новому обряду, кстати! – исповедник стал официальным опекуном двенадцатилетней наследницы престола и, через пару лет, – Первосвященником Вирховена, моей родины. Вот тогда-то он и явил миру истинное лицо поборника веры. За последние годы храмы Семи сменили назначение, став храмами Единого. Не трогали лишь вотчину Великой Матери, стоявшей во главе Семи, богини, больше других любимой и почитаемой народом. Но несколько месяцев назад королева подписала тайный указ, по которому все имущество Материнской церкви должно было быть передано Церкви Единого, духовенство разогнано, а сама вера объявлялась тёмным наследием прошлого и запрещалась. Настоятельница моего монастыря, мэтресса Клавдия, узнала об этом из секретного донесения, полученного пару недель назад от Верховной Матери Сафарис, вынужденной покинуть страну. Она сразу же начала отправлять монахинь и послушниц по домам, желая спасти их от участи, постигшей другие монастыри – слухи до нас доходили самые страшные. Однако некоторым сёстрам, как и мне, некуда было идти. Другие же – как и я! – остались не поэтому, а потому, что не желали предавать Великую Мать, именем которой несли добро и исцеление сотням людей. Когда превосходящие силы пала-

динов явились в Фаэрверн, мы их ждали.

Воины Света не брали силой моих сестёр. «Не поправление греховной плоти, но уничтожение!» – так сказал один из них, облачённый в позолоченные доспехи командира. Глубокая рана на боку обеспечила меня пропитавшейся кровью одеждой и смертельной бледностью, а монастырские практики позволили не дышать, пока воины осматривали тела, добивая раненых. Затем к небесам поднялся дым, скрывая облачный лик Великой Матери, её глаза, полные слёз. Мэтрессу, избитую, вывалянную в грязи и распятую, привязали к алтарю, откуда огонь начал свой жадный путь к крышам монастыря.

Я выбралась, поскольку знала потайные ходы, ведущие за стены – возраст Фаэрверна насчитывал около пятисот лет, и гора в его основании была испещрена ими, как поля кроотовыми норами. Великая Мать не оставила меня, дав силы на исцеление собственной раны и погоню за паладинами, забравшими кое-что, принадлежавшее монастырю. Но зачем она свела меня в пути с одним из них? С тем, кого предали собственные братья по вере?

– Сколько тебе лет? – спросила я и потянула к себе тарелку с тушёной капустой. Глаза у незнакомца оказались ярко-синими, как небо середины лета. Никогда бы не подумала...

– Тридцать.

Он повторил моё движение, подтащив поближе блюдо с

жарким. Судя по голодному блеску в этих самых ярко-синих глазах, к нему возвращалось не только здоровье, но и здоровый аппетит!

– Ты был рождён в объятиях Богини, паладин, так отчего отвернулся от неё?

– Единый Бог несёт людям добро... – заученным голосом начал он.

– Вернись в Фаэрверн, оглянись вокруг? – закричала я. Внутри всё кипело. – Это – то добро, которое Бог несёт людям? Пройдись по окружающим деревенькам и городкам, и спроси – скольким жителям мы, монахини Сашаиссы, исцелили души и тела – словом и делом, служением и любовью?

– Новое всегда начинается с разрушения! Люди всегда противятся новому! Но новое – то, что сделает жизнь лучше! – припечатал он стол ладонью.

Мрачный взгляд, резкие черты лица, скрытая сила искусных движений. Фанатик... Проклятый фанатик!

– Тебе, фанатичке запретной веры, этого не понять! – словно прочитав мои мысли, продолжил он. – Мне следовало бы убить тебя, ведьма! Но... через законы чести я не могу преступить!

– Как преступил тот, кто метнул кинжал? – неожиданно успокаиваясь, мурлыкнула я.

Бесполезный разговор! Слепой с глухим и то договорятся быстрее!

– Ты видела его? – оживился он. – Кинжал? Опиши его!

Вытащив клинок из голенища сапога, швырнула едва ему не на тарелку. Паладин застыл, позабыв про мясо, глядя на кинжал, как на ядовитую змею. Потом осторожно взял в руки, большим пальцем провёл по рукояти из чёрного, гладко отполированного дерева. И отбросил прочь. Боль искажила надменное лицо, принеся моему сердцу радость – ты тоже потерял что-то в это мгновение, паладин. Что же? Веру в людей? Любовь к другу, который предал?

* * *

В первую свою ночь в Фаэрверне я лежала одетая поверх покрывала, закинув руки за голову, и разглядывала мощные несущие балки потолка. Мои соседки уже затихли и дружно сопели, хотя перед этим, укладываясь, возились как мыши в подполе. В последнее время мне частенько случалось ночевать не дома, но впервые – так далеко от него. Я любила родной Ховенталь, столицу Вирховена, родилась там, провела всю жизнь в его окрестностях, знала, как свои пять пальцев улочки, тупики, потайные места и запретные территории. Там я встретила свою любовь, которую отец так жестоко пытался вырвать из моего сердца. Там я надеялась жить долго и счастливо, не особенно задумываясь о будущем, ибо мне казалось, все у меня есть. Сейчас, в тишине спальных покоев, нарушаемой лишь сонным дыханием послушниц, я понимала, что осталась совсем одна. Отец, заменивший мне

рано умершую мать, отец, которого я боготворила, не просто не принял избранника моего сердца, но сделал все от него зависящее, чтобы тот покинул Ховенталь. Я даже не знала, жив ли он, ведь Стам Могильщик был скор на расправу и безжалостен к тем, кто переходил ему дорогу. Иначе как объяснить тот факт, что мой любимый ни разу не попытался увидеться со мной, объясниться, а просто исчез из моей жизни, прихватив кое-какие из моих украшений на память? Итак, у меня нет дома и семьи, а есть только эти потемневшие от времени балки, набитый овечьей шерстью матрас и тонкое одеяло под боком. Завтра на рассвете я приму послушание и начну слушать то, что захочет сообщить мне Великая Мать... Интересно, после всего, что я сделала, захочет ли она хотя бы взглянуть на меня?

Тихо зашипев от разочарования, я поднялась и огляделась. Дверь спальни на ночь не запиралась – я не слышала звука ключа, повернувшегося в замке, когда молоденькая и смешливая сестра Анисса пожелала нам добрых снов. Впрочем, замки не доставили бы мне неудобства, отмычкой я владела в совершенстве едва ли не с младенчества, а она, родимая, вот – изображает шпильку в волосах. Так почему бы не прогуляться по ночному Фаэрверну, направляясь, куда глядят собственные глаза, а не куда приказывает суровая сестра Кариллис, днем сопровождавшая меня по обители?

Тенью выскользнула в коридор и отправилась на монастырскую кухню. К моему удивлению двери не были заперты

и там... О чем думают эти монахини?

Открыт был и винный погреб, и это для меня, в дороге предпочитавшей сохранять трезвую голову, стало настоящим подарком.

Спустя некоторое время я сидела на своей кровати, иногда прикладываясь к нацеженному кувшину, и жизнь больше не казалась мне такой же мрачной и уродливой, как старое дерево потолочных балок.

– Эй, ты чего не спишь? Чем это ты булькаешь?

Я подняла кувшин.

– Хочешь?

Девушка чуть младше меня с любопытством перелезла на мою кровать, потянула одеяло со своей – в спальне было холодно.

– Откуда ты взяла вино? – удивилась она.

– Места надо знать, – ухмыльнулась я. – Так будешь или я допиваю?

– Давай сюда! – сделав порядочный глоток, она посмотрела на меня. – Новенькая, как тебя зовут?

– Тамарис, но можно просто Тами.

– А я Вельша, будем знакомы!

– Будем!

Вельша была сиротой и воспитывалась у состоятельных родственников, которые торопились сбыть ее с рук. Когда они договорились о браке с местным трактирщиком, похоронившем уже вторую жену, Вельша сбежала в ближайшую

от дома обитель, Фаэрверн. Великая Мать не давала в обиду тех, кто просил у нее убежища.

Мы допили вино, и я принесла еще. Мы пили и разговаривали. Разговаривали и пили. Кто-то проснулся и присоединился к нам, кто-то ворчал и швырялся подушками. Девочки и девушки со своими, зачастую невеселыми историями. Многие пришли в монастырь Сашаиссы по велению сердца, а других загнала сюда жизнь, полосуюя ремнем невеселых событий. Как бы то ни было, среди них я больше не ощущала себя одинокой. Пожалуй, я даже задержусь здесь ненадолго... если, конечно, монахини не выставят меня сами!

* * *

Значит, всё-таки Астор! Викиер сам сделал ему этот кинжал на совершеннолетие. Выковал лезвие, вырезал рукоять из дерева, нанёс зарубки, чтобы та не скользила в ладони. Утяжелил корпус. Сбалансировал клинок... «Будь он проклят! Будь я проклят! Будь прокляты мы все!»

Кинжал, который он отшвырнул, упал рядом с рыжей. Она без промедления взяла его и снова спрятала за голенище сапога. Что ж... Оружие, потерявшее чистоту, выкупанное в братской крови, пусть остаётся у отступницы!

– Так что ты собираешь делать? – поинтересовалась она, принимаясь за еду.

Он оглядел её, пытаясь вспомнить там, в монастыре. Бое-

вые монахини Богини сражались за жизни свои и сестёр, как дикие кошки. Лица мельтешили в смертельной пляске, и не было возможности их запомнить – лишь рубящие и колющие удары, лишь бешеный блеск в глазах отступниц. Нет, он не помнил её!

Астор, Астор... У него, Викера ар Нирна, не будет спокойной старости, если он не посмотрит в глаза младшего брата и не спросит: «Почему? За что?» Даже несмотря на известный ответ! Хотя, вполне возможно, до старости он теперь и не доживёт...

– Ты собралась мстить? – вопросом на вопрос ответил он. – Иначе зачем преследуешь отряд?

Горькая ухмылка исказила привлекательные черты её лица.

– Мстить? Предлагаешь мне перебить около пятидесяти паладинов в броне, вооружённых до зубов, сопровождаемых боевыми магами? Видать, рассудок к тебе ещё не вернулся!

– Тогда что? – спокойно спросил он.

Что толку собачиться? Кому и когда это помогало?

– Хочу вернуть кое-что, принадлежащее Фаэрверну...

Монастырская сокровищница! Ну, конечно! Благодарные за исцеление люди несли Великой Матери семейные реликвии, среди которых встречались редкие и дорогие штучки.

– Фаэрверна больше нет, – равнодушно заметил он, вновь принимаясь за трапезу.

Она неожиданно оттолкнула от себя тарелку. Резко встав,

подошла к окну и застыла, глядя наружу. Невысокая, хрупкая, рыжие кудряшки рассыпались по плечам... Она казалась одинокой, как потерявший родителей ребёнок. Её хотелось защитить, заставить позабыть о боли и горечи! Он поморщился. Воины Света обязаны защищать женщин, стариков и детей, подавать руку слабым. Что странного в его желании? Лишь только то, что относится оно к отступнице!

– Ты прав. Фаэрверна больше нет, но есть я! – донеслось от окна.

– Ты не справишься одна, – заметил он, среагировав на её слова быстрее, чем следовало. Но очень уж было неприятно слышать подобное и понимать, что вина лежит и на нём. Нет, всё было сделано правильно, но совесть, такая стерва, с которой не договоришься!

Она развернулась, откинула волосы.

– Какая тебе разница, паладин?

Викер посмотрел на неё и жестом указал на тарелку.

– Сядь, монахиня. Я – Викер ар Нирн. Как зовут тебя?

– Ты спрашивал имена у всех моих сестёр, которых потрошил?

– Нет. И не называл своего. И не предлагал им сделок...

– Ты собираешься предложить сделку мне? Отступнице?

Великая Мать, куда катится этот мир?

– С миром всё в порядке! Проблема с тем, кто пытался убить меня. Ты поможешь мне разобраться с ним, а я тебе – достать нужную вещь из обоза.

Рыжая вернулась за стол, села, и вдруг захохотала, как сумасшедшая, раскачиваясь на стуле и вытирая слёзы.

— Как деликатно... не украсть... не забрать... Достать! Воины Света не воруют, да?

* * *

За господский дом солнце заглядывало только после полудня, поэтому здесь всегда было свежо. Широкий задний двор и прохлада — идеальные условия для ежедневных тренировок.

Викер стоял у окна в своей комнате, разглядывая место, где они с Астором неуклюже лупили друг друга деревянными мечами до тех пор, пока отец не нанял им учителя-мечника. Это было десять лет назад... Кажется, прошла целая жизнь. Викер успел послужить на границе, и за пять последних лет службы приобрел больше опыта, чем за все пребывание в родном поместье. Пришло время разбудить брата и проверить — какой опыт получил тот в его, Викера, отсутствие.

Ар Нирн ухмыльнулся и отправился в комнату Астора, располагавшуюся напротив. Младший брат спал и не знал, что старший вернулся на рассвете. За прошедшие годы он возмужал, отрастил волосы — столичная мода добралась и сюда. Спал, раскинувшись на кровати, сбив одеяло. Астор всегда так спал.

Викер коснулся его горла острием своего меча. Брат лениво разлепил глаза.

– На границе ты не прожил бы и часа! – улыбнулся ар Нирн.

Астор оттолкнул клинок, пружинисто вскочил с кровати и бросился обнимать старшего.

– Когда ты приехал?

– Рано утром, все еще спали. Собирайся, идем...

– Куда?

– Ты забыл, чем начиналось каждое наше утро? Ну и разленился же ты, братец... Смотрю, и жирок наел!

– Нет у меня жирка! – возмутился тот, натягивая штаны и сапоги, и окуная голову в ведро с водой, стоявшее в углу.

– Давай, давай, – беззлобно поторопил Викер. – Меч не забудь!

Выйдя на двор, он огляделся, разглядывая зубчатый силуэт крыши на фоне неба, здорово вымахавший куст сирени в углу, над старой телегой, под которой всегда дремал один из отцовских псов. Там и сейчас спала какая-то собачонка...

Словно и не было пяти лет, проведенных в суровых северных краях, в страшных чашах, полных опасных тварей и дикарей, не считавших зазорным убивать чужаков, ступивших в их снега. Словно он никогда не видел низкого серого неба, почти постоянно сыпавшего колкой крупой и лишь изредка распахивающего изумленные голубые глаза. Словно никогда не слышал тоскливого волчьего воя и глухого рычания снеж-

ных львов – грозы Северных приделов.

– Ну что же ты застыл? – закричал Астор, заняв позицию. – Давай, нападай! Спорим, ты не заденешь меня ни разу!

Викер пожал плечами. Он уже видел, в чем слабые стороны младшего – тот не совсем верно держал руку, открывая грудь, амплитуда движений острия меча была слишком широкой. Школа чувствовалась – Астор не ленился в его отсутствие, кроме того до Викера доходила его слава драчуна и дуэлянта, но одно дело бои напоказ с равными противниками, такими же, как и ты сам, придворными обормотами. И совсем другое – с тем, кому частенько приходилось заглядывать смерти в глаза, и кого зачастую спасало только собственное воинское искусство.

– Попробуй ты задеть меня, – предложил он.

Голубые глаза Астора вспыхнули. Вызов действовал на него, как красная тряпка на быка. Он и бросился на старшего с азартом и напором, свойственным юным, сильным и глупым...

– Убит! – спустя долю секунды констатировал Викер, чуть отклонившись с траектории движения брата и коснувшись мечом его груди.

Астор застыл, с изумлением разглядывая подрагивающее у собственного сердца острие.

– Нет! – возмутился он.

Викер улыбнулся.

– Да!

– Как ты это сделал? Давай еще раз!

– Конечно...

И снова Астор бросается в атаку, ему кажется, он очень быстр... А для Викера, видевшего, с какой скоростью кидаются на жертву снежные львы, движения кажутся замедленными. Он успевает подумать, что брат красив, и при дворе у него, наверняка, множество поклонниц, делает шаг назад, блокирует удар, изящно отступает в сторону, и вот уже его меч касается гладкой, словно литой спины младшего.

– Убит!

Астор злится – это видно. У него темнеют глаза, и в эти минуты он становится похожим на старшего брата, глаза которого темнее на тон. Резко разворачивается, делает выпад – хороший выпад, неожиданный и сильный. Чуть было не ранил Викера, но тот ускользает. Настоящий воин, – тот, кто танцует со смертью, – не спешит биться с ней грудь на грудь, нет... Он будет делать все, чтобы она не достала его, а сам выждет момент, когда сможет совершить один, но верный удар. Ибо что толку махать мечом, как оглоблей?

– В тебе слишком много страсти, – усмехнулся Викар, – в бою держи голову и сердце в холоде, брат!

– Этому ты научился на своем Севере? – Астор отступил и опустил меч, выравнивая сбившееся дыхание.

– Тебе тоже не мешало бы поучиться!

– В эту дыру? Упаси боги! Меня скоро примут в королев-

скую гвардию, отец уже оплатил патент! Но я мечтаю стать паладином Первосвященника!

И он снова, без предупреждения, бросился в бой.

Спустя час братья отсалютовали друг другу мечами. Астору так и не удалось коснуться брата, зато сам он был убит раз сотню, не меньше.

– Я не обижаюсь, – смеялся он, обнимая Викера и направляясь к колодцу – облиться холодной водой после боя – это удовольствие, – но если бы мне нужно было тебя убить, я сделал бы это не в честном бою!

– Ну и какой же ты рыцарь после этого? – удивился Викар.

– Ну, я же не собираюсь убивать тебя? – еще более удивился Астор.

* * *

Одно дело знать, а другое – слышать констатацию факта из чужих уст: Фаэрверна больше нет. Нет каменной кладки, увитой девичьим виноградом, так волшебным пламенеющим по осени, нет библиотеки, в которой пахнет пергаментом, пылью и немного мышами. Нет кухни, по которой витают запахи яблочного сидра, доходящего теста и печева. Нет аптекарского садика с его ровными рядами целебных трав и кустарников, с оранжереей, полной экзотических растений, облюбованной ласточками. Нет алтаря Великой Матери, места, где я впервые заглянула в своё сердце и поняла, что на-

шла себя и то, чему собираюсь посвятить всю жизнь. Места, где я пыталась, но не смогла простить отца, но где обрела семью в лице мэтрессы Клавдии и сестёр: смешливых, грустных, задумчивых, умных и не очень, болтливых и молчаливых, таких разных и таких родных.

– Ты прав. Фаэрверна больше нет, но есть я! – сказала я, напоминая не собеседнику – себе, как не вовремя терять голову и предаваться отчаянию и боли.

Кажется, он предложил помочь. А я думала о том, что они все мертвы! Моя семья! Мой Фаэрверн!

– С миром всё в порядке! – грубовато сказал он. – Проблема с тем, кто пытался убить меня. Ты поможешь мне разобраться с ним, а я тебе – достать нужную вещь из обоза.

Сев за стол, попыталась осознать его слова. И засмеялась, осознав. Нехорошая радость выдавливала слёзы из сердца. Я смеялась и никак не могла остановиться. Всё-таки судьба – шутница, раз свела меня с ним на кривой дорожке. Попасть в такую дурацкую ситуацию, ну надо же!

Какое-то время он наблюдал, а потом поднял мою кружку и выплеснул содержимое в лицо. Вода хлестнула пощёчиной, проясняя рассудок.

С силой потёрла щёки, стирая капли. Подняла на него мокрые глаза.

– Спасибо...

– Тебе это было нужно, – буркнул он, утыкаясь в тарелку. – Так как насчёт сделки?

Я помолчала, доедая остывшую капусту. Что я теряю, повышая для себя степень опасности? Ведь у меня и так никаких гарантий выбраться живой из этой заварушки!

– И ты не предашь меня, когда мы их нагоним? Не ударишь в спину? Не сдашь своим? Прости, вынуждена уточнить...

– Нет, – одним словом он ответил на все вопросы. И так ответил, что я чуть было ему не поверила.

– Хорошо, – я откинулась на спинку стула. – Догадываешься, кто покушался на тебя?

Он покачал головой, отрицая:

– Не догадываюсь, знаю!

– Хочешь убить его?

Горечь на миг проступила сквозь правильные черты лица. Породистые черты потомка одного из древних родов Вирховена. Поговаривали, что в таких ещё течёт кровь райледов – расы, ушедшей во тьму времён. Их считали мифом, однако встречались иногда в моём мире артефакты, которые ему принадлежать не могли.

– Посмотреть в глаза, – ответил паладин, и я изумлённо уставилась на него, когда поняла, что он не врёт.

Посмотреть в глаза тому, кто ударил тебя в спину! Как ни пыталась мэтресса вбить в мою упрямую голову мысль о всепрощении, урок отца я помнила лучше: «Всё имеет в этом мире цену, Тами. И платить надо равновесной монетой. Зуб за зуб. Глаз за глаз. Жизнь за жизнь!» Жаль, сейчас

у меня было не то положение, чтобы воспользоваться этим правилом. Будь моя воля, Первосвященник, избитый и вывалянный в грязи, умирал бы, медленно поджариваясь, на огне собственного алтаря! Но, увы, из всех возможностей воздействия на церковь Единого у меня были только мой боевой сармато и немного дней простой человеческой жизни, отпущенных судьбой.

– Ты псих! – констатировала я. – А я – Тамарис, можно просто Тами. Доедай и ложись спать. Выезжаем до рассвета.

* * *

Я с тоской смотрела в похожее на бойницу окно в комнате матери-настоятельницы. Стояла зима, моя вторая зима в Фаэрверне, небо сыпало мелкой крупой, ветер гонял ее по земле, кидал пригоршнями в лица. Монастырский яблоневый сад, огороды и аптекарская делянка, где мы выращивали лечебные травы, скрыл белый плат, он же лег поверх крыши оранжереи, зубчатых стен и, кажется, укрыл все звуки. Едва слышались лишь пересвисты маленьких птичек с забавными хохолками на головках и ржавыми грудками.

– Ты разочаровываешь меня, Тамарис, – мэтресса Клавдия прошлась по комнате, по привычке заложив руки за спину, – твои успехи в учебе не дают тебе право вести себя неподобающим образом, хамить монахиням, распространяться среди послушниц о своих похождениях. У каждой из нас

есть личная жизнь, но мы не обнажаем ее перед всеми!

— И у вас тоже, мать-настоятельница? — с преувеличенным изумлением спросила я. — Тоже есть личная жизнь? Никогда бы не подумала!

По ее щекам поползли красные пятна. Остановившись на против, она внимательно посмотрела на меня.

— Фаэрверн — вот моя личная жизнь, Тамарис, и другой не надо! Я бы хотела, чтобы и в твоей жизни случился такой выбор...

— Выбор между служением Богине и свободой? — скривилась я. — Пожалуй, я знаю, что выберу!

Мое пребывание здесь явно затянулось! Надоели подъемы с рассветом, молитвы и песнопения, работы по хозяйству и огороду. Да, мне нравилось учиться и меня сильно привлекали уроки боевого мастерства, проводимые сестрами. Но количество нареканий, наказаний и нотаций ежедневно возрастало, грозя превратиться в снежный ком, что рано или поздно раздавит меня.

— Должно быть, Стамислав ошибся во мне, ибо я не могу достучаться до тебя, дитя, — пробормотала Клавдия. — Что ж... Ступай.

Я вышла из кельи, ощущая в груди злую радость. Ничего вы со мной не сделаете, мэтресса, ничего не добьетесь! Фаэрверн — сам по себе, я — сама по себе!

Вечером я поделилась своим планом с Вельшей. Подруга смотрела на меня с ужасом и восхищением.

– Ты, правда, хочешь уйти? – в который раз спрашивала она. – И не боишься?

– Чего бояться, Вельша? Постоять за себя я сумею, деньгами отец снабдил меня, когда я отправлялась сюда. Здесь я их особо и не тратила. Передохнула, пришла в себя – и хватит! Меня снова зовут веселая жизнь и дорога. Хочешь, пошли со мной?

Глаза Вельши вспыхнули, но она с сомнением покачала головой.

– Простого человека без защиты любой может обидеть. Здесь я в безопасности и, знаешь, мне нравится быть послушницей. Тэна Санна обещала завтра взять меня на лечебный сеанс, она говорит, у меня задатки хорошего целителя!

Меня кольнула зависть. Никто из монахинь никогда не говорил мне такого... Еще бы, ведь они считали меня едва ли не порождением преисподней! Откуда в такой возьмется дарующая жизнь сила Сашаиссы?

– Я останусь, Тами, – продолжала подруга, – и ты оставайся! Мне будет скучно!

Я засмеялась, скрывая разочарование – вдвоем бежать было бы веселее!

– Ах ты, бесстыдница, думаешь только о себе!

Когда Вельша уснула, я постояла рядом с ее кроватью, глядя на простоватое, но нежное лицо. Наверное, тэна Санна права, Вельша прямо светится вся, когда уговаривает больных детей принять микстуру или целебный отвар. Из нее по-

лучится хороший целитель, а у меня свой путь! Выскользнув из здания, я направилась в конюшню, собираясь взять одну из монастырских лошадок – не отправлюсь же я по стране пешком? Как вдруг заметила заметавшиеся в келье Клавдии огни. Неужели меня хватились?

Я поспешила назад и на лестнице столкнулась с матрью-настоятельницей и несколькими монахинями. Они явно куда-то торопились.

– Тамарис, где ты была? – с изумлением спросила одна из них.

– Гуляла, – ответила я, дерзко глядя на нее.

Мэтресса Клавдия вдруг подняла руку, приказывая замолчать. Обернулась к ним.

– Оставайтесь в обители. Со мной пойдет Тамарис.

– Это еще куда? – непочтительно удивилась я.

И тут же получила не болезненный, но ощутимый толчок сармато в плечо.

– Следуй за мной, Тамарис, мы теряем драгоценное время! – только и сказала мэтресса, и принялась быстро спускаться по лестнице.

Я едва поспевала за ней, несмотря на то, что была одета в дорожную, а не монашескую одежду. Невзирая на разочарование от провала плана побега, в моей душе уже вовсю разгорался огонек любопытства. Что же такое происходит?

Спустя день мы миновали Кривой Рог. Накануне Викир молча сунул мне полновесный кошель с деньгами. Я тоже не сказала ни слова, но из городка мы выезжали на двух крепких коняшках, с сумами, полными припасов. Каурку отдала недорого какому-то крестьянину, чей вид и манера обращения с животиной вызвали у меня доверие. На гнедом Викира был приторочен мешок, в котором мы спрятали его доспехи. Рукоять своего меча он оплёл кожаным ремешком, скрывая чеканку и позолоту. Пришлось купить перевязь – вести меч в мешке паладин отказался напрочь.

– Куда они направляются? – спросила я его, когда мы покинули Кривой Рог. Я шла по следу, но понятия не имела, куда он меня приведёт.

– В столицу. Нам было приказано возвращаться сразу после Фаэрверна, не заезжая в другие монастыри.

– Вы ехали из столицы? – изумилась я. – Я думала, вы из Костерн-Хилла.

Костерн-Хилл был центром земли, в которой стоял мой монастырь. Большой отряд если и мог откуда прибыть, так только оттуда.

Викир пожал плечами.

– Мы выполняли приказ.

– Вы его выполнили, – желчно поправила я, – с честью,

успешно и быстро!

Он ничего не ответил.

Солнце миновало зенит, когда моих ноздрей коснулся запах дыма, тут же всколыхнув болезненные воспоминания о пожарище. Я прищипорила вороного, ощущая, как сжимается сердце в тревоге.

В небольшой деревеньке у дороги сгорел один из домов. Когда мы подъехали, пожар уже погасили, но воняло знатно. Толпы не было, улицы казались на удивление опустевшими, дома – затаившимися.

Я спешила, постучала в дверь дома, ближе всех стоящего к пепелищу.

– Кто вы и что вам нужно? – раздался напряжённый мужской голос.

– Кто-нибудь пострадал? – вместо ответа, спросила я. – Нужна ли помощь целителя?

Загремели снимаемые засовы. Дверь приоткрылась, из-за неё выглянул невысокий мужичок, в одной руке держащий ржавый солдатский меч, а в другой – отлично наточенный охотничий нож.

В глубине дома слышались сдавленные рыдания.

Мужичок с подозрением оглядел моего спутника, который, прыгнув с седла, удерживал поводья лошадей.

– Целитель не поможет, – вздохнув, тихо сказал он. – Мальчонка сильно обгорел. Помирает в страшных мучениях.

Оттолкнув его, я быстро прошла вглубь. Нужную комнатушку нашла по звукам плача, больше похожим на вой. У лежака, накрытого чистым полотном, сидела прямо на полу маленькая женщина и плакала, раскачиваясь, как безумная, ничего не замечая вокруг. Лицо её от слёз опухло до такой степени, что нельзя было узнать черты.

Откинула полотно и задыхнулась от запаха горелой плоти. Маленькому почерневшему человечку, похожему на обгоревший корешок, было лет девять.

– Что здесь произошло? – слышался голос Викера из горницы.

Я уже не слушала ответных слов. Прикоснулась пальцами к вискам страдальцы, посылая её в целительный сон – отдых ей был необходим. Приподняв полегчавшее за последние сутки тело, пересадила её на стул в углу. Опустилась на колени у кровати, заглядывая в запавшие закрытые глаза ребёнка. Ради этих минут жили мои сёстры и я. Жили ради жизни.

«Бирюза и мёд твоих глаз, Великая Мать, тепло и сила твоих ладоней, да пребудут со мной! Дай мне возможность исцелить невинное дитя! Дай силу подарить ему долгую жизнь рядом с любящими людьми!»

Я наложила руки на область его солнечного сплетения. Пространство вспыхнуло огнём, опаливая мою кожу, сжигая мои волосы, выжигая мои глаза. Я дёрнулась и едва не закры-

чала, как вдруг прохладные ладони коснулись разума, помогая не потерять сознание. Сила Великой Матери хлынула в меня студёной водой, поглощающей пламя.

И время остановилось.

* * *

Ар Нирн не был в Ховентале пять лет. Даже когда ехал с границы, предпочел вначале навестить отчий дом. И вот, он здесь. Город перевалил за крепостные стены, сады цветут еще более пышно, чем он помнит, а в центре возвышается громада Тризана, лабиринта-дворца Первосвященника Файлинна, подавляя своими размерами и величием. Когда Викар отправлялся на службу, Тризан достраивался, а сейчас Ар Нирн стоит на стене одного из верхних ярусов и смотрит на Ховенталь...

После возвращения ему все казалось нереальным. Яркая весна, дурманяще пахнущая сирень, пение птиц, все было сном, а реальность – трехцветная, бело-серо-черная, осталась в воспоминаниях воем ветра и волков, свистом шальной стрелы дикаря, воткнувшейся в древесный ствол совсем рядом с виском, постоянным холодом, от которого пальцы сводило на рукояти меча, треском костра в ночной тиши, смертью соратников и шрамами на собственной шкуре. Он никак не мог переступить оттуда сюда, в мир, полный мира.

– Я тоже люблю разглядывать его, – раздался хорошо по-

ставленный голос. – Ховенталь прекрасен, недаром один из первых королей перенес сюда свою резиденцию, сделав город столицей Вирховена.

Викер обернулся и невольно вытянулся по стойке смирно. Человек, стоящий перед ним, был высок и красив, однако не красота привлекала внимание к худому лицу с резкими чертами и рано начавшими формироваться залысинами, делавшими лоб еще более высоким. От говорившего веяло внутренней силой, той, что одних заставляет преклонять колени, а иных – испуганно отшатываться.

– Ну-ну, сын мой, – Первосвященник Файлинн, улыбаясь, коснулся плеча Викера, – не надо так официально. Ты – Викер ар Нирн, верно? Ждешь моей аудиенции и любишь Ховенталем?

– Так точно, Ваше Первосвященство!

– Не возражаешь, если мы отменим аудиенцию и просто поболтаем, дыша свежим ветром?

Викер смущенно улыбнулся и качнул головой. Несмотря на то, что он слышал о главном слуге Единого бога, тот оказался простым в общении человеком и приятным собеседником.

– Ты хочешь стать паладином Единого, Викер, но почему? – спросил Файлинн. – Достаточно ли взросло твое желание? Я отбираю только самых лучших, ибо нашу веру могут нести только самые лучшие! В чем лучший ты?

Слегка ошеломленный тем, как собеседник повернул во-

прос, Ар Нирн молчал. И действительно, что ответить человеку, по слухам видевшему каждого до самого доньшка души?

– Ваше Первосвященство, я не настолько хорош, как следовало бы, – наконец, ответил он, – но я хотел бы стать лучше и сделать лучше этот мир.

– Скромность похвальна, мой мальчик, а желание улучшить мир – достойно Воина Света. Однако знаешь ли ты, что иногда под маской добра скрывается зло, а то, что кажется злом – несет благоденствие?

Викер пожал плечами. Он не особенно задумывался над философскими аспектами жизни, поскольку был воином и предпочитал исправлять ошибки и устранять угрозы, а не размышлять о них.

– Я знаю, вещи иногда выглядят не теми, какими кажутся, Ваше Первосвященство. Но не мое дело разгадывать подобные загадки. Если я увижу, что вор обкрадывает честную торговку, я схвачу вора и не стану думать о его несчастливой судьбе.

– А если вору нечем кормить детей? – хмыкнул Файлинн. – Если он крал впервые в жизни, желая отнести детям краюху хлеба?

Викер пожал плечами.

– Почему бы ему было не заработать ее? Или просто попросить у той торговки?

– Ты веришь в торговок с добрым сердцем, мой мальчик?

– Я верю в то, что нужно искать правильный путь, Ваше Первосвященство! Единственно верный!

Файлинн разглядывал его, чуть склонив голову к плечу. Викиер пытался выдержать его взгляд, но все же опустил глаза. Проще было выдержать пытку раскаленным железом.

– Пойдем со мной, я кое-что покажу тебе, а ты – попробуешь найти единственно верный путь, – наконец, произнес Первосвященник.

* * *

Большую часть пути ехали молча. Рыжая впереди, Викиер – чуть позади. Молчание его не напрягало, скорее радовало. Он с удовольствием смотрел вокруг – на облака, на деревья, на солнечный свет, и всё ему казалось новым и неизведанным – как ребёнку. Вот так однажды сделаешь шаг за порог, намереваясь покинуть отчий дом навсегда, а потом передумаешь, развернёшься... И будто что-то меняется в хорошо знакомом помещении. Всё знакомо и незнакомо. Близко и далеко.

Запах дыма нарушил раздумья, заставил прищипорить коней. Пепелище посередине придорожной деревеньки выглядело раной, нанесённой ей в самое сердце.

Тами, едва переговорила с хозяином и шагнула через порог, ушла туда, откуда раздавался плач, а Викиер задержался в горнице, пытаясь выяснить, что произошло.

– Племяшку соседка в доме прятала, – без особой охоты поведал ему хозяин дома, то и дело поглядывая на опутанную кожей рукоять его меча, – а та монахиней была... Неподалёку отсюда обитель, до сих пор дымится. Так они всех в доме заперли, подожгли и уехали. Пока мы с соседями заднюю дверь ломали, почти все задохнулись, а мальчонка обгорел – балка горящая на него упала с потолка.

Викер слушал глуховатый голос и чувствовал, как встают дыбом волоски вдоль позвоночника. Одно дело – порешить отступника честным ударом меча. Другое – сжечь дом и людей в нём. Невинных людей! Когда отряд ехал в Фаэрверн, он, Викер ар Нирн, не сомневался в своей миссии. Монастырь – чахоточная каверна Вирховена, которую следовало иссечь из его тканей! Но при чём здесь обычные люди?!

– Ты говоришь о паладинах? – не веря своим ушам, уточнил он. – О паладинах Его Первосвященства?

– Тш-ш, господин мой! – испуганно замахал на него руками мужик. – Не произносите это слово всуе!

– Воины Света... – высокомерно начал Викер и осёкся, натолкнувшись на стену льда в глазах собеседника.

Да, тот был испуган и подавлен. Однако ненависть на миг открыто выглянула из его зрачков.

Викер обошёл его, шагнул в комнату, где ранее скрылась Тами, и застыл на пороге, разглядывая обугленную плоть распростёртого на лежанке ребёнка и женщину с закрытыми глазами, тихо шепчущую молитву Великой Матери. Вокруг

обоих струилось едва видимое сияние, завихряясь в районе головы, сердца и солнечного сплетения мальчика. Руки мо-
нахини, лежащие на обгоревшей коже, казались хрустальны-
ми, прозрачно пропускающими призрачный свет...

Ар Нирн зажмурился, развернулся и бросился прочь. Остановился лишь, выскочив во двор. Запрокинул голову к высокому небу. С запада заходили тучи – не иначе ночью пойдёт дождь.

– Единый! – зашептал он. – Укрепи меня в вере моей! Дай не сойти с истинного пути, укажи на видимый обман! Боже... – перед глазами вновь встала изломанная фигурка на простыне, измазанной кровью и копотью, – вразуми...

Бог молчал. Единый молчал всегда, и в этом, так говорил Первосвященник в своих проповедях, была его сила. «Он верит в вас! Лукавая Богиня отступников управляет ими, лишая воли! А вам, дети мои, даётся выбор! Но помните, поступая по Его заветам, вы приближаете время Его явления пред лицами вашими! Время его земного царствия!»

– Лошадей бы надо распрячь, господин мой, – слышался рядом голос хозяина дома. – Целительница ваша быстро не управится с мальцом! Помогите ей Великая Мать, хотя бы подарила ему смерть покойную и без боли!

Давешние сомнения неожиданно оборотились в душе Викера чудовищной яростью.

– Мальчик выживет! – заорал он на побледневшего мужичка. – Выживет!

– Да я чего, – зашептал тот трясущимися губами, – я ничего! Только рад буду... Я к тому толкую, что вам придётся у нас задержаться!

– Конечно, – буркнул уже успокоившийся Викир и бросил ему монету. – Это за постой. Распряги лошадей и напои.

И ушёл за окраину деревни, бродить в перелеске между квадратами полей, задавая себе бесконечные вопросы, ответа на которые так и не услышал.

* * *

С Ее Величеством он впервые столкнулся на одном из религиозных праздников. В такие дни паладины Первосвященника заменяли личных гвардейцев в королевских покоях и при выездах монаршей особы в город.

Викир вместе с братом дежурил у дверей столовой, когда Атерис – заспанная и оттого неимоверно привлекательная, беззастенчиво зевая, вышла из-за угла коридора и направилась к ним. Одета была в легкую полупрозрачную тунику – и вроде проглядывает розовая гладкая плоть, а приглядишься – лишь тень мелькает в складках белоснежной ткани, как сладкий сон, как приятное воспоминание. Как бы то ни было, Викир посчитал неприличным рассматривать свою королеву. С выражением лица, присущим охраннику важной персоны, уставился в стену напротив, хотя глаза так и косили в сторону стройной фигурки, проскользнувшей мимо и оста-

вившей после себя шлейф мятного аромата – нежными салфетками, смоченными в его отваре, служанки умывали королеву с утра и протирали ее прекрасное тело.

«Ох! – одними губами сказал Астор, когда Атерис скрылась за дверями. – Вот это штука!»

Викер равнодушно пожал плечами. Есть вещи, которые делать нельзя. Например, отречься от принятой веры или спать со своей королевой. Королева – божественная власть на троне... Как можно спать с божественной властью? Да, он отметил несомненную привлекательность Атерис, но и только. Для него разум всегда был важнее желаний, ибо разум – постоянен, а желания – переменчивы.

Двери вдруг распахнулись. Королева, появившаяся на пороге, оглядела обоих паладинов, ткнула пальцем в доспех Викера и смешно скривила губы – как маленькая капризная девочка.

– Сегодня мне скучно! – сообщила она нежным голоском. – Слуг видеть не могу, надоели! Не будут ли так добры великолепные Воины Света прислуживать мне за столом?

– Это честь для нас, Ваше Величество! – горячо ответил Астор, опередив старшего брата. – Приказывайте, мы выполним любое ваше пожелание!

– Любое? – еще более скривив губы, требовательно спросила королева, обращаясь к Викеру.

Тому не оставалось ничего иного, как кивнуть.

– Следуйте за мной!

Атерис резко развернулась и, пританцовывая под неслышимую никому, кроме нее, музыку, направилась к столу. В ее движениях странным образом сочетались озорство и непосредственность ребенка, страстная нега опытной женщины и величие, присущее коронованным особам.

Астор ломанулся следом, будто олень в гоне. На мгновение Викеру стало стыдно за него, а затем он махнул рукой – хоть и кажется брат ему до сих пор смешным белокурым мальчишкой, он давно вырос. Коли сделает ошибку – исправит. Коли не исправит – ответит рано или поздно. Служба на границе ясно показала Викеру, что жизнь никогда не прощает человеческие промахи, не забывая о них даже спустя долгое время.

– Расскажи о себе! – приказала королева, пока Астор наливал ей в бокал воду из кувшина. – Ты – красив, паладин Первосвященника! Давно ли ты служишь Единому богу?

– Два года назад был удостоен этой чести! – поедая ее глазами, сообщил тот.

Королева искоса глянула на Викера.

– А ты?

– Четыре, – лаконично ответил тот.

Явное безразличие женщины к желающему ее мужчине – младшему ар Нирну – его настораживало. Викир ощущал себя дичью, на которую ведет охоту опасный хищник, однако роль жертвы его не устраивала, более того – раздражала. Он предпочитал сам принимать решения.

– Вы чем-то похожи, – продолжала спрашивать Атерис, – родственники?

– Викир – мой старший брат! – снова вылез вперед Астор.

– Викир, значит, – королева задумчиво поднесла бокал к губам, чуть прихватила его край зубами.

Зубы у нее были блестящие, ровные и белые, как отборный жемчуг.

Она осторожно отпила... Прозрачная капля задержалась на нижней губе, вкрадчиво скользнула вниз – по аккуратному подбородку, длинной шее...

Зачарованный дивным зрелищем Астор не заметил, как она опрокинула на себя бокал. Викир замечал все.

Темное пятно расплылось по ее груди. Ткань мгновенно стала прозрачной, облепила тяжелые для такого хрупкого тела полушария груди. Яркие и крупные соски королевы, похожие на вишни, дразнились, как обнаженные.

– Ох, какая я неуклюжая! – воскликнула она, поднимаясь и позволяя ткани еще более обрисовать контуры тела. – Вся промокла!

– Я позову слуг! – неровно дыша, произнес Астор.

Старший ар Нирн молча протянул Ее Величеству салфетку. Та мгновение меряла его взглядом, затем чуть нахмурилась и повернулась к младшему:

– Мне будет достаточно твоей куртки, паладин, чтобы дойти до спальни... Раздевайся! – приказала она.

И Астор, победно улыбаясь, потянул ремешки доспеха.

Тело страшно ломило, а резь в глазах способна была, казалось, их выжечь. Я приходила в себя медленно, будто выныривала с глубины, по пути возрождая в сознании обрывочные воспоминания о страхе, боли и бесконечном горе людей, вынужденных умирать. Я приходила в себя и плакала беззвучно, и это было всё, чем я могла поделиться с умершими.

– Пей, пей, говорю, – сильная мужская ладонь обхватила затылок, заставляя меня приподняться. К губам была поднесена чашка с ароматным бульоном.

Не столько его вкус, сколько тепло и запах возвращали меня к жизни. Давясь, я выпила всё и, откинувшись на подушку, снова попробовала открыть глаза. Надо мной нависал тёмный силуэт, по мере возвращения зрения становившийся всё более чётким. Красивое лицо, глаза синие, как небо середины лета...

– Пришла в себя, ась? – взволнованно спросили от двери.

– Да. Принеси тёплой воды, она мокрая вся, обтереть бы её!

– Сейчас, мой господин, сейчас!

– Что... ты... делаешь? – слабо поинтересовалась я, когда Викер ар Нирн, откинув укрывающее меня одеяло, принялся стаскивать длинную рубаху, в которую я была облачена.

– Оботру, – невозмутимо ответил он, – ты вся в испарине,

это нехорошо!

Я дёрнулась, ладонями преграждая путь его рукам. Но, увы, была слишком слаба, чтобы сопротивляться.

– Ты для меня не женщина, Тами, – пояснил он, стаскивая с меня рубашку и оставляя обнажённой. – Потому уймись и лежи смирно!

Не женщина! Великая Мать, а это мне за что?

– Как... мальчик?

– Розовый весь, как поросёнок! Постоянно спит. Вчера пришёл в себя и попросил воды! С ним всё будет нормально...

Вчера?

– Сколько дней?

– Ты сидела с ним трое суток, и потом ещё четверо лежала в горячке.

Закрыв глаза, застонала от разочарования. Отряд оторвался так, что мы никак не успевали нагнать его! Значит, придётся соваться в столицу, а без помощи отца мне там не выжить!

Тёплая влажная ткань бережно коснулась моих стоп, голени, бёдер, принесла упоительные свежесть и прохладу.

– Ты уже не такая горячая, как вчера, – слышался довольный голос моего спутника, – жар спадает! Пара дней и совсем уйдёт!

– Постой! – отринув смущение и стыд, я посмотрела на него. – Почему ты здесь? Ты же упустил того, кто желал тво-

ей смерти! Дал ему уйти вместе с отрядом!

Быстро, умело и молча Викар обтёр моё тело и лицо, укутал в чистое полотнище и поднял на руки. Жена хозяина, невзрачная женщина лет сорока, споро сменила бельё и вышла, бросив на меня полный благоговения взгляд. Паладин не соврал: мальчик выжил. Иначе в её глазах я прочитала бы иное!

– Какая ты лёгкая стала, – без эмоций сказал ар Нирн и уложил меня обратно. – Тебя же с седла теперь сдувать будет!

Я невольно засмеялась. Негромко – на обычный смех почему-то не хватало сил. Спросила, хотя глаза уже закрывались:

– Я еду в столицу, Викар... А ты?

– Я знаю, где он живёт, – слышалось мне, хотя сон уже уносил меня на крыльях в сладостную даль, – в столице...

* * *

Во сне я следовала за мэтрессой и ругала себя последними словами. Надо было затаиться, пропустить процессию, а потом спокойно сбежать!

Судя по тому, что мы покинули стены монастыря и быстро направились по узкой тропке через поля в сторону ближайшей деревни, именно там что-то произошло.

В доме, в который мы пришли, стоял тяжелый густой за-

пах. Я узнала его сразу – кровь, много крови.

– Чистые полотенца и побольше теплой воды, – бросила с порога Клавдия, безошибочно направляясь из светлицы в одну из дальних комнат.

Я невольно поразилась произошедшим с ней изменениям. Она больше не была слегка отрешенной, строгой, предпочитающей общество книг – людям матерью-настоятельницей. Она была как стрела – летящая к цели, не ведая преград. Мэтресса представала предо мной воином, который ни в чем не уступил бы привратнице, тэне Кариллис!

– Вымой руки, – приказала она мне, когда мы очутились в небольшой горнице, где на кровати, пропитавшейся кровью, тихо стонала молодая крестьянка.

– Почему позвали так поздно? – сердито спросила мэтресса мнушихся в дверях хозяев дома и здоровенного мужика, видимо, мужа роженицы.

– Дык, Ясенька у нас крепонькая... Думали, сама справится, а тут кровя пошли вона какие!

Клавдия выразительно постучала себя кулаком по лбу, хотя я видела, как ей хотелось сказать несколько крепких слов.

Намыливая пальцы жирным, пахнущим травами мылом, я наблюдала, как она откинула одеяло, задрала пропитавшийся кровью подол рубашки женщины и принялась щупать ее живот.

Хозяева с интересом наблюдали.

Вытерев руки, я шагнула к ним.

– Идите отсюда! И чтобы кто-нибудь под дверью дежурил, если нам что-то понадобится, поняли?

Закрыв за ними дверь, я подошла к Клавдии, лицо которой покрывали крупные бисеринки пота, но в глазах уже стояла глубокая, морская синь – Сашаисса коснулась ее своим благословением, посылая целительную силу.

Я снова взглянула на роженицу. То, что она – не жилец, было ясно с первого взгляда. У нее запали глаза, кожа приобрела синюшный оттенок, а дыхание бабочкой трепыхалось на груди, не имея ни силы, ни глубины. Ей не родить в таком состоянии!

Почувствовав взгляд мэтрессы, перевела на нее глаза.

Она спокойно смотрела на меня, будто в это мгновение молодая женщина не умирала под ее руками, унося в потусторонний мир еще не рожденного ребенка.

– Ты готова, Тамарис? Закатай рукава. Сейчас я разверну плод и поделюсь с ней силами, чтобы она смогла вытолкнуть его. Возможно, после этого я потеряю сознание. Твоя задача – принять младенца. Знаний, полученных тобой в монастыре, должно на это хватить!

Я молча кивнула. Запах чужой крови кружил голову, прерывистое дыхание роженицы заставляло сердце сжиматься. Отец никогда не рассказывал о матери, не знаю почему. А я никогда не спрашивала, мне всегда хватало его присутствия рядом, поддержки, слов, которых он для меня не жалел. Только в последний год что-то сломалось между нами

и склеить обратно никак не удавалось... Возможно, мама умерла, рожая меня. Как бы то ни было, сейчас я сожалела не о ней – об этом крестьянском ребенке, еще не увидевшем свет, но уже вынужденном расти без любимых объятий. Во мне поднимался протест, больше похожий на злость – ему могло так не повезти с отцом, как мне! Но мать – вот она, здесь. Она носила его, лелея надежды и радости, она ждала его и мечтала о его первой улыбке, зубе, шаге... И вот она лежит, больше похожая на разделанную мясником тушу. Нет!

Губы свело судорогой.

– Я готова, тэна! – с усилием произнесла я.

Клавдия кивнула. Ее руки с длинными пальцами легко опустились на живот роженицы. Короткое сильное движение – и выпуклость легла в другом направлении. А затем руки матери-настоятельницы начали источать голубоватое сияние, втягивающееся внутрь тела женщины, которая застонала и задышала глубже, закорчилась в судорогах. Ощущение усилия было физически ощутимым. Я стиснула зубы, будто тужилась вместе с ней, производя на свет новую жизнь. Будто отдавала свои силы вместе с мэтрессой Клавдией, не желая, не соглашаясь отпускать во тьму эту женщину и этого ребенка!

Между ног роженицы показалась головка новорожденного.

Одним из первых умений, полученных нами, послушниками, в Фаэрверне, было умение принимать роды. «Жизнь

езде жизнь, – говорили монахини, – и вы должны уметь береечь ее!»

Клавдия опустилась на колени с тихим стоном, но мне нельзя было отвлекаться – я принимала младенца, выводила головку, плечико, одну ручку. Доставала его целиком, склизкого, в крови и смазке, но... живого. Впервые в жизни с моих губ слетели слова благодарности Великой Матери, ибо это было настоящим чудом. А с его губ слетел протестующий крик – в мире, в который он пришел, было холодно и темно, и не материнские руки обнимали его!

– Заберите дитя, с ним все в порядке! – крикнула я.

Передала ребенка вбежавшему отцу и едва успела вернуться, чтобы подхватить падающую настоятельницу. Она отдала всю себя, до капли, понуждая тело, из которого истекла жизнь, вытолкнуть дитя.

– Тэна, благодарю! – потрясенный отец со слезами на глазах пытался коснуться моих одежд.

– Оставьте нас! – приказала я, ощущая в себе странную силу.

Он послушался. Я усадила мэтрессу поудобнее, привалив спиной к кровати, сама встала на колени рядом, разглядывая роженицу.

Несмотря на кровопотерю, молодая мать продолжала сопротивляться смерти. Я надеялась, что крик ребенка она слышала, хоть и бродила где-то по ту сторону зримого мира, и это давало мне надежду! Внезапно вся моя жизнь показав-

лась пустой и никчемной. Я не сумела сберечь отношения с отцом, потеряла любимого, но так и не нашла себя. Если сожаления и были, сейчас они превратились в прах. Все это не важно! Важно то, что ребенок будет расти без мамы... или с ней!

Целительский дар еще ни разу не снисходил на меня, и я думала, так и будет. В моих мыслях и поступках не было ни чистоты, ни сосредоточения, но сейчас все это оказалось неважным. Я точно знала, что должна попробовать спасти ее!

«Бирюза и мёд твоих глаз, Великая Мать, тепло и сила твоих ладоней да пребудут со мной! Дай мне возможность исцелить эту женщину! Дай силу подарить ей долгую жизнь рядом с любящими людьми!» Целительные молитвы Фаэрверн навсегда запечатлел в моей памяти. Многие сестры использовали только первые сакральные фразы, далее обращаясь к Богине своими словами, ведь важным являлась не форма обращения, а суть. Мне пока было сложно поступать так, поэтому я повторяла про себя знакомую молитву, стараясь вложить в нее всю свою веру в исцеление.

Ладони потеплели, или мне показалось? Я отринула все ощущения, погрузившись лишь в желание спасти роженицу. Молитва заключила меня в кокон из слов, который накрепко спаял меня и молодую мать. Это не она – я! – пыталась вдохнуть полной грудью, не она – я! – слабой рукой искала дитя, чтобы обнять! «Бирюза и мёд твоих глаз, Великая Мать,

тепло и сила твоих ладоней, да пребудут со мной! Дай мне возможность исцелить эту женщину! Дай силу подарить ему долгую жизнь рядом с любящими людьми!»

Неожиданно мир распахнулся, как распахивается небо над морем, если выезжаешь из-за поворота дорога на берег. В моем сознании возникла ясная картинка внутренних разрывов, вызывающих обширное кровотечение. Вот здесь, здесь и здесь нужно срастить сосуды, чтобы оно остановилось... Мир закружился колесом, когда Сила потекла сквозь мои ладони, унося с собой и часть меня. Не слыша себя, я уже не шептала, рычала слова молитвы, лишь бы не потерять сознание, как мэтресса, и не выпустить из рук жизнь молодой матери. В миг, когда, казалось, темнота была готова накрыть нас обеих, на мои ладони легли горячие ладони Клавдии.

– Умница, Тамарис, – сказала она, как будто ничего не случилось, – ты все сделала верно... Дай теперь мне держать ее, ибо твои силы на исходе!

Я упала на пол, задыхаясь. Усталость обрушилась с такой силой, что в глазах потемнело, а тело свила жестокая судорога. Но я улыбалась. Впервые за долгое время улыбалась от счастья, потому что знала – Сашаисса услышала меня!

* * *

Я всё время спала, а когда просыпалась – видела рядом

его. Воин Света ухаживал за мной, не зная сна и отдыха последующие двое суток. Но ни единое его бережное движение, увы, не искупало вины перед сёстрами и мной. Та же рука, что лишала их жизни, нынче врачевала моё тело, из которого целительство вытянуло все силы, даже несмотря на вмешательство Богини...

На рассвете третьего дня я проснулась с твёрдым намерением ехать, невзирая на слабость.

– Ты уверена? – только и спросил он, когда я озвучила планы. И едва я кивнула, молча отправился запрягать лошадей.

Я уже вышла из дома, когда следом за мной бросилась женщина в одной ночной сорочке. Рыдая, упала на землю, обнимая мои ноги и пытаясь целовать сапоги. Сейчас, когда отеки с её лица спали, я, наконец, узнала родную сестру одной из наших монахинь, которая иногда приезжала навещать её. Даже имя вспомнилось – Селестина.

– Встань, Селестина, – я взяла женщину за плечи и крепко встряхнула, – не позорь меня перед людьми!

– Какой позор, тэна? – воскликнула она. – Вы спасли моего сына! Спасли от такого, от чего не спасают!

– Волею Великой Матери твой сын жив, – грустно улыбнулась я, – благодари её!

Развернулась и пошла к лошади. Что я могла ещё сказать ей?

Вскочила в седло, пустила вороного рысью. И скоро уже

дом, да и вся деревенька скрылись за поворотом дороги.

Большую часть пути мы с паладином проехали молча. Я — погружившись в свои мысли, а он — словно наслаждаясь каждым мгновением, проведенным под открытым небом. Иногда я тайно разглядывала его и видела, как он запрокидывает лицо к небу и улыбается облакам и птицам, как разглядывает тянущиеся вдоль дороги перелески и поля, подмечая каждую птаху, любую мелочь.

На ночь мы съезжали с тракта и ночевали в рощах, стараясь не заезжать в придорожные трактиры без необходимости. У Первосвященника везде были глаза и уши, а нас, детей Фаэрверна, в земле Костерн знали слишком хорошо.

Ховенталь располагался на пологом склоне горы, и это сказалось на его архитектуре. Ступенчатые террасы, на которых притулились разноцветные дома и домишки с зелёными черепичными крышами, спускались к подножию горы, к почти круглому озеру, чьи берега густо заросли, и где всегда водилось видимо-невидимо всякой живности. В детстве я с мальчишками из Сонного квартала ловила здесь водяных крыс, которых мы потом продавали за гроши беднякам на шапки. Шапки, кстати, из крыс получались отменные!

Сердце сжалось. Мэтресса Клавдия утверждала, будто прошлое имеет обыкновение возвращаться, и вопрос лишь в том, какие выводы вы сделаете, встретив его лицом к лицу и переосмыслив. Выходит, она была права... Всё это время я скучала по отцу, хотя и злилась на него за то, что он пы-

тался со свойственной ему жёсткой волей вмешаться в мою жизнь, отобрать мои любовь и свободу. Впрочем, «любовь» отпала сама, едва осознала, что родительское благословение и доходы мне не светят – не сразу, но я поняла это. Однако свобода осталась, и ей я не собиралась делиться ни с кем!

– Чего ты застыла? – поравнявшись со мной, удивился Викар. – Не знаешь, что делать дальше?

Мне даже не пришло в голову разыскивать иронию в нотках его голоса. Не тот он был человек, этот прямой, как сармато, Воин Света. Их таких получают самые свирепые фанатики, ибо они свято верят в то, чему их научили.

Я посмотрела в невыразимо синие серьёзные глаза.

– Пришла пора прощаться, Викар! Я знаю, что делать дальше. Ты, видимо, тоже!

Он качнул головой. Натянул поводья гнедого, чужавшего жилье.

– Уговор был другим, Тами! Ты помогаешь мне, а я – тебе!

– Я думала, ты обрадуешься возможности расстаться со мной! – искренне удивилась я.

– Я тоже так думал! – буркнул он, помрачнев, и пустил коня вскачь.

Последовала за ним, шепча молитву Великой Матери. Просила себе терпения, а ему – вразумления.

Подъезжая к городским воротам мы, не сговариваясь, натянули капюшоны плащей. Сармато висел у меня на боку, скрытый его полрой, а в мече с потёртой рукоятью никто не

опознал бы грозное оружие паладина.

– Где сейчас отряд? – спросила я спутника. – Куда они повезли награбленное?

Он вскинулся – слово задело его. Однако промолчал, лишь указал на северо-восток. Туда, где возвышался над столицей Тризан – город-храм Первосвященника Единого бога. Государство в государстве, не дворец и не крепость, не район и не лабиринт, а всё вместе.

– Конным в Тризан путь заказан! Придётся где-то оставить лошадей! – заметил Викар.

– Следуй за мной, – не вдаваясь в подробности, сказала я, и повернула вороного в противоположную от Тризана сторону – в Сонный квартал.

Название этот район столицы получил за ленивое спокойствие, царящее на улицах днём. Здесь все казались немного не выспавшимися, вежливыми и тихими. Причина была проста – Сонный квартал бодрствовал ночью. И тогда обывателю не стоило ходить его улицами и заглядывать в его окна. Здесь обретались самые известные разбойники и воры, шлюхи и ростовщики, правители, или, как их называли «папы» преступного мира. И самым главным из них был мой отец, Станислав Камиди, или, *по-свойски*, Стам Могильщик. Кличку отец получил заслуженно, пройдя путь от наёмного убийцы до короля преступного мира столицы.

– Плохое место! – поморщился Викар, едва мы оказались на улицах квартала.

Я кинула на него короткий взгляд и ничего не ответила. Прошрое вставало перед глазами, здесь каждый закоулок, поворот или лавочка были полны ими. Сейчас-то, насмотревшись за эти десять лет на разные семьи, я понимала, что моё детство было счастливым, и отец любил меня... как умел. Мне бы немного мудрости тогда, десять лет назад, а ему – терпения попытаться объяснить мне происходящее другими словами, не приказным тоном, руганью и криками. Говорят, будто прошлое не вернёшь, и это правда! Потому что оно возвращается только по собственному желанию!

* * *

Когда она так смотрела на него, Викеру хотелось её придушить. Он не понимал этот взгляд – сумрачный, уходящий вглубь себя, не враждебный, но неприятный. Будто она осмеливалась разглядывать его с вершины – прожитых лет, опыта... Однако он видел, что старше и, естественно, опытнее этой маленькой женщины с огненными волосами и ореховыми глазами. И никак не мог понять, что дает ей право так смотреть!

О Сонном квартале паладин был наслышан, хотя самому не доводилось здесь бывать – что делать потомку семейства ар Нирнов в богом забытом месте, где собирается всякий сброд? Сейчас он с интересом оглядывался, чувствуя себя разочарованным. Район казался самым обычным: пыльные

улицы, окна, плотно занавешенные шторами, хозяйки с корзинами, спешащие на рынок, босоногие мальчишки, стайками пробегающие мимо. Да, здесь было грязнее, чем в других кварталах города, ну так и народ тут жил более бедный. Ни кровавых разборок на улицах, ни продажных девок в закоулках, призывно улыбающихся накрашенными ртами и выставляющих напоказ сомнительные прелести, ни караульных, гоняющихся за преступниками. Городские патрули за время пути вообще ни разу не встретились!

Тамарис остановила лошадь у трактира с покосившейся вывеской, слов на которой разобрать было невозможно – так её загадили голуби, рядом сидящие поверху. Из дверей на звук бряцающей сбруи выглянул мальчишка. Рыжая, она, спешившись, поманила его пальцем, вручила монетку и приказала сторожить коней. Обернулась к Викеру. Выражение её лица показалось ему напряжённым, и он насторожился, привычно положив ладонь на рукоять меча.

– Идём со мной! Не стоит оставаться здесь одному...

– Я могу за себя постоять! – усмехнулся ар Нирн, многозначительно качнув клинок на поясе.

– Не поможет! – криво улыбнулась она, надвинула капюшон на лицо и толкнула дверь.

Народу внутри было немного – человек пять. Мужики смирно сидели за разными столиками над кружками с пивом, размышляли о чём-то с одинаковыми выражениями на лицах. Викир ощутил холодок, пробравшийся по позвоноч-

нику под волосы на затылке. Неспроста они здесь сидели...

Тамарис подошла к стойке, за которой стоял неподвижной глыбой широкоплечий парень с совершенно разбойничьей рожей.

– Налей нам пива, трактирщик, – попросила она, садясь на высокий табурет. – Жарко нынче!

Хозяин молча нацедил два стакана мутного пива и поставил перед ней. Паладин побрезговал пить такое, а она отпила и заметила:

– Да, Зубатка, пиво здесь по-прежнему дерьмо!

Пятеро в зале, отвлѣкшись от кружек, посмотрели на неё с нехорошим интересом. Викин чуть развернулся, чтобы видеть их, прикидывая про себя, кто осмелится напасть первым?

– Ты меня знаешь? – удивился громила за стойкой. – Открой лицо!

Тами скинула капюшон. Трактирщик сделал шаг назад, осеня себя охранным знаком Великой Матери. Ар Нирн невольно поморщился – отступники, оказывается, ещё встречаются в столице!

– Там! – воскликнул парень. – Глазам не верю! Тамарис!

– Не так громко, Зубатка, – засмеялась она, – не от хорошей жизни я приехала...

– Ходят слухи... – понизил голос тот, – о Фаэрверне и других монастырях.

– Это не слухи, – помрачнела рыжая. – Он здесь?

– Где ж ему быть? – удивился трактирщик.

– Как он?

– Здоров как бык и ревет по-прежнему, – ухмыльнулся парень. – Думаю, будет дико рад видеть тебя!

– Вот в этом я сомневаюсь, – пробормотала Тами и поднялась. – Мы оставили лошадей у входа с каким-то мальчонкой. Проследи, чтобы их почистили и накормили.

– Этот мальчонка – мой сын Дак! – не без гордости сообщил трактирщик. – Смышлёный, шельмец! Считает быстрее меня!

– Так тебе и надо! – улыбнулась Тами и положила руку ему на плечо: – Ужасно рада тебя видеть, Зубатка!

– И я тебя, Огонёк! – расцвёл устрашающей улыбкой парень.

Паладин вдруг пожалел, что у него нет никого, кому он мог бы порадоваться так искренне! За годы служения Единому ничего не осталось: ни верных друзей, ни сердечных привязанностей. Был брат, которому он верил, как себе. И именно его нож оказался у Викера между лопаток!

Рыжая подходила к лестнице на второй этаж, и её движения становились всё медленнее и медленнее. Будто на ногах повисали невидимые кандалы, делающие шаг короче. Что связывало её, монахиню Сашаиссы, с этим опасным местом, в котором каждая доска кричала о насилии, а тёмные пятна на полу, хоть и были заматыми, но оставались заметны? Перед двустворчатыми дверями, к которым вела лест-

ница, Тамарис остановилась и резким движением скинула плащ, словно ей стало жарко. Викир невольно протянул руку, принимая его. Отчего-то сейчас он воспринимал рыжую не как отступницу, не как монахиню, но как женщину, которая нуждается в поддержке. И она снова одарила его взглядом ореховых глаз, однако на этот раз сквозь неприязнь проступила на мгновение благодарность испуганного ребёнка.

Тами толкнула дверные створки с резким «хэ», будто била шестом.

Глазам предстала большая комната, увешанная оружием и доспехами, и разделённая на зоны: жилую, с кроватью, обеденным столом у окна, удобными креслами и камином у дальней стены, – справа, и слева – со шкафами, забитыми книгами, с тяжёлыми сундуками. Викир никак не мог понять, кто по профессии хозяин комнаты? Библиотекарь? Купец? Ростовщик? Оружейник?

С кресла у камина резко поднялся огромный, как гора, седой мужчина. Несмотря на седину, черты тяжёлого лица оставались красивыми, густые брови – чёрными, что создавало странный контраст с седой головой. Не говоря ни слова, он ринулся к вошедшим. Викир шагнул вперёд, вставая рядом с рыжей, но она вдруг всхлипнула, бросилась к незнакомцу, поднырнула под его руки и повисла у него на шее.

– Тами, девочка моя, – сдавленным голосом пророкотал мужчина – такой бас сложно было утихомирить эмоциями, – жива, слава Богине! Я слишком поздно получил сообщение

от своих осведомителей о том, куда и с каким приказом направляется отряд стервятников!

Рыжая на мгновение отстранилась от него, а затем судорожно вздохнула и снова прижалась.

– Я и не знала, что так скучала по тебе, ата, – сказала она, не стыдясь слабости и заливаясь слезами, – не знала!

Викер поднял брови. Ата? Так простолюдины ласково называли отцов. Неужели этот громила, непонятных дел мастер, её отец? Они вовсе не похожи!

Паладин незаметно оглядел комнату, ища какой-нибудь памятный портрет. Но нет, дощатые стены не были украшены ничем, кроме оружия и доспехов. Разного размера и стоимости, надо сказать, доспехов. Словно... их снимали с разных людей. Ар Нирн невольно поёжился и вновь посмотрел на спутницу. Та стояла рядом с гигантом, а он гладил её лицо огромными ладонями с такой нежностью, что у Викера защемило сердце.

– Кто это с тобой? – бросив на него короткий взгляд, поинтересовался хозяин.

– У него свои счёты с Первосвященником, – коротко ответила рыжая.

Громила нехорошо усмехнулся:

– У многих уже свои счёты! И даже с процентами! Давай сядем, Тами, надо поговорить.

– Давно надо, – пробормотала она, и Викер с удивлением услышал в её голосе извиняющиеся нотки.

– Эй, ты, – позвал седой, – не стой столбом, садись с нами!

Трептангу будешь?

– Это...

«...Пойло?» – чуть было не ляпнул паладин, но вовремя опомнился и довершил:

– ...Неплохо!

Хозяин достал оплетённую кожаным ремешком флягу, плеснул в стоящие на столе глиняные чашки прозрачную жидкость. Поднял свою, посмотрел на Тами подозрительно блестящими глазами.

– За тебя, дочка! За твоё возвращение!

Рыжая выпила трептангу, не морщась, но, поставив чашку на стол, покачала головой, не соглашаясь:

– Я не вернулась, ата! Здесь проездом. Меня ищут и рано или поздно найдут!

Седой показал непристойный жест.

– Вот они найдут теперь, дочка! Вывезу тебя на корабле в одну из сопредельных стран.

– И что дальше? – с горькой усмешкой спросила она. – Жить на чужбине и ждать неведомого?

Громила покосился на ар Нирна и ничего не ответил.

– Я уеду, ата, – неожиданно изменила тон рыжая, – если ты и твои люди помогут мне забрать из Тризана то, что увезли паладины Первосвященника из Фаэрверна.

– Золото? Сакральные принадлежности? Артефакты Богини? – изумился тот. – Тами, дочка, неужели тебе есть до

них дело?

– Я могла бы ответить, что уродилась в папочку, – показала головой та, – однако всё гораздо сложнее. Они забрали кое-что, принадлежащее Великой Матери, и это не золото, не побрякушки и даже не святыни...

Викер насторожился. Он и седовласый молча смотрели на женщину, ожидая ответа. Но она только пожала плечами:

– Скажу позже! Отец, нам с моим спутником надо пробраться в Тризан!

– Не проблема! – легкомысленно отмахнулся громила. – Воспользуетесь городской канализацией, проводника и прикрытие я дам! Но что дальше?

– А дальше... – Тамарис перевела взгляд на Викера, – он подскажет, где Первосвященник прячет свои игрушки!

– Он, что, знает? – прищурился седой.

Ар Нирн кивнул и не отвёл взгляда. С минуту они сверлили друг друга глазами, и ни один не желал отступать. Выдержать взгляд седовласого оказалось очень тяжело – тот будто разбирал душу на кирпичики, выкидывая большинство и откладывая в сторону те, что представляли интерес. Но Викер выдержал. Громила посмотрел на дочь и нежно коснулся её щеки. И вдруг, потемнев лицом, полез в ящик стола.

– У меня для тебя письмо, Огонёк, – сказал он.

– Письмо? – удивилась та и вновь посмотрела на Викера, как тогда перед дверью, безмолвно прося помощи. – От кого?

– От покойницы... – вздохнул седой, протягивая запечатанный конверт.

* * *

Внутри цитадели шел спиральный коридор, поднимающийся от первого яруса до верхушки, где располагался Храм Одного, в котором только Первосвященник мог возносить молитвы Единому.

Файлинн повел спутника вниз, до первого яруса и ниже – в подземелья. Как каждое уважающее себя здание – символ власти, Тризан имел и собственную тюрьму: закрытые новенькими решетками клетки, в большинстве своем пустующие. Однако из дальнего конца коридора слышались тяжелое дыхание, стоны, сдавленное рычание. Когда они дошли туда, Викар остановился, пораженно разглядывая странное существо. Оно было одето в рубище, не стриженные спутавшиеся волосы напоминали свалявшуюся шерсть линяющей овцы, черные глаза с огромными зрачками жутковато светились в полумраке клетки, а на руках и ногах отросли длинные и острые когти. Стояло существо на четвереньках, а увидев подошедших, издало леденящий кровь вопль и забегало по кругу.

– Что это? – изумленно спросил Викар, не сдвинувшись с места, хотя существо начало бросаться на решетку с воплями, пытаясь добраться до людей.

Первосвященник с интересом наблюдал за обоими.

– Это когда-то было человеком, мой мальчик, женщиной, – пояснил он. – Ее любимый умирал от лихорадки... Она просила Великую Мать об исцелении, призывала ее монахинь, однако те не смогли помочь – богиня отвергла их молитвы. Мужчина умер. Для несчастной окончилась жизнь, и в порыве отчаяния она разыскала одно из древних Дагоновых капищ и отдала Чернобогу свою душу, после чего, одержимая яростью, стала нападать на людей. Убивала всех без разбора – мужчин, женщин, детей... Когда мне сообщили об этом, я отправил отряд паладинов. Они привезли несчастную сюда. Ее следует судить и обезглавить, как убийцу, но у меня возникает вопрос, мой мальчик, стоит ли мне казнить ее за преступления, которых она не совершила бы, если бы Сашаисса ответила на ее мольбы?

Файлинн выжидающе смотрел на Викера.

– Что? – удивился тот.

– Как бы ты ответил? – мурлыкнул Первосвященник, и ар Нирну показалось, будто огромный кот забавляется с ним, сжимая когти на горле.

Впрочем, впечатление было мимолетным. Вiker пожал плечами.

– Неисповедимы пути богов, Ваше Первосвященство, и не мне, простому воину, сомневаться в их решениях.

– Но ты согласен с тем, что она виновна? – уточнил Файлинн. – Или невиновна? Если я дам тебе право судить ее, что

ты сделаешь?

Ар Нирн посмотрел на одержимую. Та подползла к решетке, вцепилась в нее грязными худыми пальцами и затихла, прислушиваясь. Понимала ли она то, о чем они говорили?

– Что толку казнить ее? – спросил он. – Если она не понимает ни происходящего, ни тяжести содеянного. Только лишь для того, чтобы успокоить толпу?

В глазах Первосвященника неожиданно вспыхнул мрачный огонек. В полумраке подземелья зрелище было жутковатым, однако ар Нирн не боялся ни жути, ни полумрака – и того, и другого было полно в Северных пределах. А вот выражение лица собеседника, в котором сквозило явное предвкушение, показалось ему необычным.

– Именем Единого! – хорошо поставленным голосом возгласил Файлинн.

Одержимая завизжала и метнулась в темноту каморки.

Первосвященник порывся в складках своего простого черного одеяния, достал ключ и, отперев решетку, вошел внутрь, поманив Викера за собой.

Несчастная, сжавшись в углу, кричала так страшно, будто ее резали на мелкие кусочки тупым ножом. Ар Нирн слышал звуки, издаваемые разными тварями, но никогда еще ему не хотелось заткнуть уши!

– Именем Единого, – повторил Первосвященник, делая оберегающий знак, – призываю тебя, черная душа, выйти вон из этой женщины, покинуть ее разум и вернуть душу.

Несмотря на невыносимый вой Викир шагнул вперед и встал рядом с Файлинном, готовый защитить его, если потребуется. Трижды повторил Первосвященник слова изгоняющей молитвы, и трижды вой поднимался до самой высокой точки и сменялся сдавленными рыданиями. А затем одержимая захрипела и затихла, лежа на спине. С губ ее стекала пена, члены были недвижимы, но глаза еще жили своей, непостижимой жизнью и дико блестели в темноте запавших глазниц.

– Неизлечима, – констатировал Файлинн, – зло слишком глубоко проникло в нее!

Викир шагнул вперед и склонился над несчастной. Нет, ему не привиделось. В ее глазах стояли слезы, а взгляд умолял не о пощаде – о помощи. О помощи в упокоении. Разумный взгляд разумного существа, кем-то загнанного в клеть изувеченного сознания. Перед этим взглядом вопрос о правосудии терял свою значимость. Перед этим взглядом значимость теряло все, кроме... милосердия.

– Идем, мой мальчик, – равнодушно сказал Первосвященник и развернулся, чтобы уйти.

Викир и сам не заметил, как его пальцы оплели рукоять меча, с которым он не расставался после возвращения с Северной границы. Там без оружия было не выжить – здесь, в мире полном покоя, с мечом тоже казалось вернее.

Идеально заточенный клинок вошел в ее грудь, как в масло. Женщина дернулась, выгнулась дугой, с угла рта потек-

ла тонкая струйка крови. Во взгляде мелькнула благодар-
ность, а затем глаза потускнели и подернулись дымкой дале-
ких странствий, гримаса на лице разгладилась, и Викар уви-
дел ее такой, какой она была когда-то: смешливой и доброй.
Вопросы теснились в его голове, слова Файлинна проникли в
душу, вызывая сомнение, что разъедало ее как ржа – железо.

Нет ничего хуже для воина, чем сомнение. Сомнение на
поле боя означает гибель, ибо там или ты разишь или падешь
сраженным! Поэтому ар Нирн усилием воли изгнал ненуж-
ные мысли из сознания, лелея в душе твердое убеждение,
что поступил верно. Обернувшись, посмотрел на Первосвя-
щенника.

– Вы дали мне право судить ее, Ваше Первосвященство, –
и я им воспользовался, – спокойно сказал он. – Я был неправ!
У казни есть еще одна причина – милосердие. Но вы тоже
были неправы – Единый услышал ваши молитвы. И прислал
меня.

Тот разглядывал его с непонятым выражением лица. По-
том задумчиво произнес:

– Из тебя выйдет отличный Воин Света, Викар ар Нирн.
Отличный!

* * *

– От покойницы, – сказал отец и протянул мне конверт,
надписанный так хорошо знакомым мне бисерным почерком

матери-настоятельницы, – от мэтрессы Клавдии!

У меня тряслись руки, когда я брала письмо и вскрывала его. А рядом сидел он – Воин Света, один из превративших лучшего человека на свете из всех, что я встречала, в кучку паленой плоти!.. Я так сжала пальцы, что чуть не порвала бумагу. Безмолвно просила Великую Мать дать мне сил прочитать и... не ударить сидящего рядом. Короткий выпад концом сармато в кадык, другой – в условную точку за ухом, и его меч более никогда бы никого не коснулся!

Но едва я прочла и осознала первые из написанных слов, меня будто окатило холодной водой, смывая ярость и отчаяние. Я снова слышала негромкий голос Клавдии, имеющей привычку во время разговора расхаживать туда-сюда, заложив руки за спину.

«Тамарис, девочка моя, ты, наверное, сильно удивишься, когда узнаешь, что я прихожусь тебе родной тёткой. Твой отец, Стамислав Камиди, мой родной младший братишка, которого я качала на руках когда-то. Мы рано лишились родителей и выросли на улице. Стамик, несмотря на то, что был младше, всегда поддерживал меня, защищал, не щадя себя. В нём и до сих пор полно этого мужества идти до конца – в уличных ли драках, в бандитских ли разборках. И эта жестокая воля к победе стала, в конце концов, тем, что развело наши пути, как мы думали, навсегда. Я лечила людей, он – убивал их. Много лет назад, после решительного разговора, я покинула столицу и

отправилась в одну из отдалённых обителей, твёрдо решив посвятить себя служению Великой Матери. Стамик остался и стал... кем стал. Долгие годы мы не виделись, пока однажды я не получила от него письмо, в котором он просил взять под опеку его дочь, взбалмошную, глупую девчонку, влюбившуюся в негодяя. Брату хватило одного взгляда, чтобы понять – твой тогдашний кавалер хотел заполучить тебя лишь как пропуск в его ближайшее окружение. Но ты ничего не желала слушать и, знаешь, я понимаю тебя! Будь я на твоём месте, тоже не слушала бы ничьих советов, как не слушает их вечная любовь, царящая в мире! Твой отец писал, как раскаивается в словах, что вынужден тебе говорить, рассказывал о том, как вы ругаетесь, как однажды в порыве гнева он сказал тебе, что ты не его дочь, и как ты горько плакала потом, думая, что он не слышит... Писал о твоих побегах и безумствах, о которых честной девушке и вспомнить стыдно. В общем, он ничего не скрыл от меня, как тогда, когда мы были маленькими! В довершение он просил на время подержать тебя в монастыре – дать вам отдохнуть друг от друга, а тебе – возможность взглянуть на ситуацию со стороны. Я отдавала себе отчёт, что его дочь, скорее всего, окажется чудовищем, воспитанным *по-свойским* законам. Но подумала, и согласилась! В прошлом я не смогла удержать брата на праведном пути, а нынче Сашаисса давала мне шанс спасти душу его ребёнка.

Ты приехала в обитель измученная любовью и тем, что считала предательством со стороны отца.

Ты дерзила, портила вещи, воровала деньги из монастырской кассы и поила девчонок-послушниц вином из монастырских погребов. Так и вижу изумление на твоём лице сейчас – дитя моё, неужели ты думала, я не знала об этом? Но однажды ты увидела, как я спасаю женщину, умирающую в тяжёлых родах. И в тебе что-то переменялось... Ты пришла просить меня о посвящении в сан, и была одной из лучших моих учениц, Тами! Я горжусь успехами, которые ты делала сначала под моим руководством, а затем и сама. Я никогда не говорила, что люблю тебя, однако так и было. И если ты прочтёшь эти строки – значит, всё не зря, и моя душа может покоиться с миром. Ибо, если письмо дошло до адресата, значит, я мертва, Тамарис. Окончательно и бесповоротно.

А теперь о деле! Знаю, сейчас ты вынуждена скрываться, потому не прошу тебя немедленно выполнить то, о чём буду просить. Прошу лишь сжечь это письмо, отправив в небытие тайны Фаэрверна...»

Я встала и, отойдя к окну, выглянула на пыльную улицу. Не хотелось делить строки ни с кем – даже с отцом. Мэтресса Клавдия никогда не выделяла меня из других монахинь или послушниц, она со всеми была строга, ровна и приветлива, но мы все ощущали её любовь стеной, отделяющей нас от несправедливостей мира, а Клавдию – матерью, которой у многих из нас не было. То, что она приходилось мне родной тёткой, не меняло ничего, однако на сердце становилось одновременно теплее и горше.

Я вернулась к письму и более не отвлекалась, ощущая, как кровь стынет в жилах. Фаэрверн, мой дом, сделавший меня счастливой, моё место в мире, пал жертвой интриг, цена которых оказывалась слишком высока!

Дочитав, я прикрыла глаза и повторила про себя координаты тайника, указанные в письме. Он находился на территории монастыря, но вряд ли пострадал при пожаре, однако прежде, чем вернуться, мне следовало закончить начатое. Подойдя к камину, в котором тлели угли, я бросила на них бумагу и дождалась, пока она не превратится в пепел. Глаза были сухими – цель давала мужество жить дальше!

Обернувшись, посмотрела на отца. Он почти не постарел за эти годы – то же обветренное лицо с крупными чертами, тот же недобрый прищур в глазах, выражение которых могло быть нежным. Лишь седина полностью скрыла черноту в его волосах, черноту, не доставшуюся мне. Пламенный цвет моих волос был материнским, а о ней он никогда не говорил. Не стану вмешивать отца в это!.. Лишь заберу из Тризана то, что принадлежит Фаэрверну, и снова отправлюсь в путь, дабы выполнить последнюю волю мэтрессы. Тёти Клавдии...

– Когда мы сможем попасть в Тризан? – резко спросила я. – Время поджигает!

– Вас ищут? – спокойно уточнил отец.

– Нет, – подал голос Викар, – для паладинов мы оба – мертвецы!

В его голосе прорезалась горечь... Потеряв Фаэрверн, я

только сейчас задумалась, а что же потерял он, получив в спину кинжал от близкого человека?

– Вот даже как? – усмехнулся отец. – Что ж... Это нам на руку! Через пару дней будет праздник Великого обретения, и Тризан превратится в проходной двор. Вот тогда мы и нанесём туда визит!

– Мы? – не поняла я.

Отец вперил в меня тяжёлый взгляд. От этого взгляда самые отъявленные мошенники бледнели и молили о пощаде.

– Мы, – повторил он, – ты же не думаешь, что я отпущу тебя одну!

«У меня есть Викар!» – посмотрев на паладина, чуть было не сказала я, но вовремя спохватилась. Ата прав. У меня никого не осталось, кроме него!

* * *

День тянулся невыносимо долго. После разговора рыжей с отцом, её и ар Нирна отвели в соседнее здание, обстановка в котором была не в пример роскошнее. Паладину выделили комнату на втором этаже, а Тами, похоже, целый дом.

– Отдыхайте пока, – сказал громила, целуя вновь обретенную дочь в лоб, – отсыпайтесь! Здесь безопасно.

И ушёл по своим непонятным делам.

Тамарис казалась задумчивой, разговаривать не пожелала, развернула кресло к окну и стала смотреть на улицу.

Викер поднялся в свою комнату, где обнаружил комплект чистой одежды, какую носят простые мастеровые. Недолго поблуждав по дому, нашёл, наконец, купальню и с удовольствием вымылся. Когда вылез из ванной, остановился перед зеркалом, повернулся, пытаясь разглядеть место между лопатками, куда угодил кинжал. На коже уже и следа не осталось, однако он ощущал в этом месте постоянный холодок, будто клинок всё ещё сидел в теле. Да, ведьма славно потрудилась над ним, восстанавливая пробитое лёгкое, порванные жилы и мышцы. Сказал «ведьма» – и задумался. И вдруг понял, как давно этого не делал – не думал! Был приказ – выполнял приказ, не требуя объяснений, не подгоняя мораль под содеянное. Хотя Его Первосвященство Файлинн любил говаривать, что деяния Воина Света не должны вступать в противоречие с совестью. Так в его, ар Нирна, случае, они и не вступали! Ему было сказано, что монахини Великой Матери дурят и калечат народ, а её культ отходит в прошлое, уступая место вере современных людей – и он поверил, поскольку не догадался обдумать услышанное, сравнить с реальным положением вещей! Перед глазами встало видение несчастного обожжённого ребёнка... Не дай бог ещё раз увидеть такое! Воину не положено бояться увечий и трупов, и никто не посмеет упрекнуть Викера ар Нирна в страхе перед ними, но наблюдать беззащитное существо, страдающее от боли, умирающее мучительной смертью он не пожелал бы и врагу!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.